

Дело Зили-султана

Автор:

АНОНИМУС

Дело Зили-султана

АНОНИМУС

АНОНИМУС

Угадывайте авторов и получайте призы! Для этого после прочтения каждого романа заполняйте форму на этой странице (<https://journal.litres.ru/anonimys-zachem-nuzhny-knigi-bez-ukazaniya-avtora/>).

Расследуя довольно заурядное дело, старший следователь Волин случайно наткнулся на тайник со старинными дневниками. А там... а там он находит зашифрованные записи таинственного надворного советника Икс, гения разведки и уголовного сыска XIX века. На пожелтевших страницах разворачивается шпионская история, в которой даже самый близкий человек может оказаться предателем, за каждым углом подстерегает смертельная опасность, а любая ошибка грозит обернуться не только провалом операции, но и полным крахом для целой страны...

Роман «Дело Зили-султана» открывает уникальную серию «АНОНИМУС», в которую войдут детективные романы, связанные между собой главными героями и сюжетной линией. Авторство этой серии будет раскрыто лишь после издания завершающей книги. Таким образом, читателям предстоит не только оценить оригинальность сюжета, но и самим почувствовать себя в роли детективов и разгадать главную интригу: принадлежат произведения перу одного автора или же над серией работал творческий коллектив писателей?

Анонимус

Дело Зили-султана

Предупреждение автора.

Автор предупреждает, что все главные герои этого эпоса являются вымышленными фигурами. Попытки искать сходство героев данной книги с историческими личностями и литературными персонажами других книг объявляются плодом фантазии читателя и целиком остаются на его совести.

Пролог. Старший следователь Волин

Если бы балка упала на другую девушку, дело отдали бы не Волину, а кому-то другому. Если бы девушка была та же, но пришибло ее в другом месте, то Орест Волин, опять же, был бы не при делах. Но балка упала, как говорится, здесь и сейчас: и девушка была та, и дом тот самый – так что расследовать назначили именно его.

– Это ваши богемные фокусы – сказал полковник, не глядя на Ореста, – тебе и разбираться.

Что богемного было в том, что на какую-то тетушку упала балка и даже не на тот свет ее отправила, а просто машину помяла? Постороннему человеку уяснить это было трудно, почти невозможно. Но Волин знал, что в злосчастном доме живет известная певица... как же, дай Бог памяти, ее зовут? Очень, очень известная, звезда, одним словом... Ну, все же ее знают, она еще песни такие поет... душещипательные. Вот это вот все, ми-мэ-мо, ми-ми-ми...

Одним словом, балка должна была вдарить именно по ней, по певице этой – то ли за пение ее, то ли за другие какие заслуги. Дело в том, что на этом самом месте, куда все упало, звезда наша обычно и парковала свою машину, свой скромный «бентли» цвета металлик. А в этот раз звезды тут не оказалось, зато приехала совсем чужая тетя и припарковалась на певицыном месте. Она же дура, тетя эта, она не понимает, что ей здесь не лихие девчонки. В десятых годах XXI века, то есть сегодня, ей за наглость так могло прилететь от

серьезных людей, что даже подумать противно. Просто даже страшно представить, что с ней могли за это сделать серьезные люд. Вполне могли, например, маникюром весь макияж расцарапать... Или кофточку дорогую разорвать на британский флаг. Но злополучная тетя ничего такого не знала и поставила машину, где было свободно.

– Не тетя, а девушка, – перебил Волина полковник, – женщины с такими деньгами всю жизнь в девушках ходят. И ты не вздумай к ней со своей этой «тетей» лезть, человек и так травмирован по самое не могу. А то я тебя знаю, ляпнешь что-нибудь... Общайся с потерпевшей уважительно.

Уважительно – это как? По отчеству, что ли?

– Не надо по отчеству, – раздражался полковник, – ты не пятиклассник, а она не завуч. Зови ее... как там фамилия... зови «госпожа Кезьмина».

Госпожа? Это что за садо-мазо при исполнении обязанностей? Может, к ней теперь с хлыстами прийти и в черных кожаных штанах? Вот уж весело пойдет допрос, даже не сомневайтесь. Впрочем, этого Волин решил не говорить: полковник был человек старой закалки и шуток таких понимать не мог по самому устройству своей души.

– Главное, машина была той же марки, – толковал полковник. – Так что убийца – если это был убийца – вполне мог и перепутать. Хотел убить певицу, а попал в Кезьмину.

Отлично перепутал, ничего не скажешь. Тетю эту... тьфу, не тетю, госпожу Кезьмину увезли в больницу с переломами, а Волин теперь расследуй. Как будто других дел мало. Он представил, как будет допрашивать Кезьмину, поигрывая хлыстом, потом пойдет к певице, как на вопрос, подозревает ли она кого-то, та выкатит полный список от Филиппа Киркорова до рэпера Басты. Все же ей завидовали, все убить мечтали.

Эх, друзья, до чего же похабное дело... Да еще и дом такой, прямо всё один к одному.

– Там, кажется, Булгаков жил, в доме этом, – проявил эрудицию полковник.

Да не жил – бывал там. В этом доме после революции знаменитая Зойкина квартира образовалась, а попросту – бордель для нетрудового элемента. Чего туда, кстати, ходил Булгаков, непонятно. Репортажи, наверное, писал. В газету «Гудок». Так сказать, взгляд с места событий. Журналист меняет профессию и все в таком роде. Короче, хаживал туда Булгаков, что греха таить, хаживал. И это ему теперь поминают все – вплоть до последнего школьного учителя.

Вот тоже, между нами сказать, дался им этот Булгаков. Теперь каждое место, где он бывал, вызывает дикий интерес. Как будто не он один там отметился, а вместе со всеми его знакомыми чертями. И будто бы черти эти всюду что-нибудь да оставили: где клад, где ведьму голую, из кухни выглядывающую, где просто сто рублей – мелочь, а приятно.

– Короче, – подытожил полковник, – ноги в руки – и вперед. И не затягивай, дело то резонансное. Газеты как начнут вопить, только держись. Эти еще, как их... соцсети. Тоже великосветским поведением не порадуют. Раскрывай, одним словом, в кратчайшие сроки. Этого от тебя ждет отчизна, и этого она тебе по гроб жизни не забудет.

* * *

Место происшествия Волин решил осмотреть сам, операм не доверился. И правильно не доверился. Балка выпала с верхнего этажа как раз, когда там работала строительная бригада, реконструировала дом. Предстоял разговор с трудовыми мигрантами, а такие разговоры лучше вести самому. Опера обычно запугают бедного гастарбайтера так, что он маму родную не может вспомнить – не то что с повинной прийти.

Когда Волин явился, строители как раз обедали, сидя на пятом этаже. На верхний, откуда упала балка, пока никого не пускали. Строителей было шесть человек – бригада. Волин окинул публику опытным взглядом. Судя по всему – киргизы. Это неплохо, их на разговор легче вызвать, чем, например, таджиков. Киргизы вообще в России лучше адаптированы, у них тут своя инфраструктура, начиная от зубокабинетов и кончая ночными клубами. Даже, кажется, театр есть киргизский, передвижной.

При появлении Волина киргизы перестали стучать ложками по мискам, выжидательно уставились на пришедшего. Смотрели по-разному: кто спокойно,

кто робко, а один – нахально и даже с вызовом. Нахальных Волин знал хорошо, им лишь бы выпендриться на ровном месте. Но он хорошо понимал, как таких укрощать. Два волшебных слова: «ЦВСИГ Сахарово», и, глядишь, дерзкий гастер уже поплыл. Кому охота полгода, а то и больше париться в тюрьме для мигрантов? К тому же выход оттуда обычно один – на гастарбайтерскую родину, с запретом на въезд в Россию. Так что давай, мигрант, сверкай глазами, это даже на пользу делу – легче расколешься, если что. Но для него, Волина, главное сейчас – вежливость и взаимная симпатия.

– Саламатсызбы, – поприветствовал Орест киргизов. – Не угостите гостя пловом?

Народ засмеялся, расслабился, стал подвигаться, давая место. Старший наложил Волину плова в жестяную миску, дал алюминиевую ложку. Волин попробовал: так себе плов, но для гурманов рестораны имеются, простым работягам не до кулинарных изысков.

Стал расспрашивать про жизнь: нормально ли платят, не обижает ли хозяин, не прессует ли полиция? Вопросы были самые правильные, потому что где-то в человеке всегда сидит обида, а где обида, там и исповедь, а где исповедь, там и доверие. Послушал Волин, покивал, посочувствовал, кое-что даже записал, обещал разобраться. Понемногу от жизненных проблем перешел к производственным. Спросил, кто в тот день работал на верхнем этаже, когда именно балка упала и так далее. Оказалось, что в этот день наверху работали все, но балка свалилась как раз в обеденный перерыв, когда никого на рабочем месте не было.

Волин кивнул: это разумно, что балка упала в перерыв. Если бы в разгар работы, у всех на глазах, это значило бы, что вся бригада в сговоре, что круговая порука у них. А так гораздо проще – кто-то один подготовил и в нужный момент спихнул. Осталось только понять, нет ли у кого проблем с мочевым пузырем и не отлучался ли человек в туалет слишком часто, покидая дружную компанию для своих интимных целей. Но этот деликатный момент надо с глазу на глаз выяснять, потому что публично позорить человека перед властями товарищи не захотят.

Волин поблагодарил за плов, отошел в сторонку с бригадиром. Выяснилось, что мочевой пузырь у всех отменный, хоть на парад с таким отправляйся. Никто никуда не отлучался ни во время обеда, ни до него. Ну ладно, поглядим, что осмотр даст.

Лестница на верхний этаж была перекрыта лентой – чтобы не таскались кому не надо. Преступника, как известно, хлебом не корми, дай только на место преступления вернуться да все улики со следами затоптать. Волин перелез через ленту, добрался до места, откуда балка вывалилась. Снизу ничего было не понять, уж больно высоко располагалась балка – там теперь зияла просто пустота, как от выбитого зуба. Волин вздохнул, огляделся по сторонам, подтащил старый стул, который маляр для своих надобностей использовал. Поставил, влез, подпрыгнул, зацепился пальцами, подтянулся и заглянул в проем от балки. Ничего кроме пыли там не наблюдалось. Впрочем, нет, наблюдалось еще кое-что. Орлиным следовательским глазом Волин разглядел сбоку кусок чего-то желто-коричневого. Желто-коричневое пряталось в полый стене, слева от того места, где была балка. Попытка зацепить неизвестный предмет рукой не удалась, только рукав испачкал. Следовало браться за дело с другой стороны.

Он отправился к строителям, взял у них лом, прихватил пару пустых ящичков и вернулся обратно. Поставил ящик на ящик, сверху стул – и вскарабкался на него. Вот теперь можно было орудовать спокойно. Впрочем, выковырять клад все равно не удавалось – лом просто не вставал под нужным углом. После нескольких неудачных попыток Волин остановился, подумал немного и стал бить ломом прямо в стену рядом с балкой. Кирпичи здесь отходили легко, как будто их специально посадили на слабый цемент.

Наконец дыра стала достаточной, чтобы заглянуть внутрь. Волин и заглянул, и увидел деревянную коробку. Не без труда вытащил ее наружу.

– Пещера Али-бабы, – заметил Волин, оглянувшись. С лестницы за ним осторожно подглядывали гастарбайтеры.

Волин спрыгнул на пол, открыл коробку и обнаружил стопку старинных ученических линованных тетрадей.

– Бумага, – громко сказал он и в доказательство даже помахал тетрадью в воздухе. – Ничего интересного.

На лестнице раздался разочарованный вздох, и строители растворились. Ну, и хорошо, ну и правильно, а то вдруг бы решили, что он на самом деле клад нашел – никаким ломом не отмахнешься. Впрочем, может, это и есть клад, только с

неожиданным содержимым.

На обложке верхней тетради было написано от руки дореформенными буквами: «Д?ло Зили-султана». Волин осторожно открыл тетрадь, взору его представились мелко исписанные аккуратным быстрым почерком страницы. Однако тут его ждало разочарование. Этот аккуратный почерк, эти каллиграфические знаки прочесть было невозможно: дневники велись стенографической записью.

Волин перелистнул несколько страниц, убедился, что вся тетрадь состоит из нечитаемых загогулин, хмыкнул и решительно положил ее обратно в коробку. Кроме того, в ящике лежала какая-то карта, но понять, что это за карта и к чему она тут, было совершенно невозможно.

Коробку с тетрадками и картой он отвез на работу и спрятал в сейф. Но приобщать к делу в качестве вещдока пока не стал – такие находки хорошо бы сначала изучить самому, а там уже решать, что тут вещдок, а что случайно в руки попало.

* * *

Закончив рабочий день, он взял первую тетрадку и поехал домой. Остаток дня у него ушел на сканирование. Сканировать пришлось осторожно – от времени бумага совсем обветшала, того и гляди начнет распадаться прямо в руках. Закончив сканирование, Волин заархивировал документ, зашел в почту, набрал знакомый адрес и написал:

«Дорогой Сергей Сергеевич! Недавно, расследуя одно дело, я обнаружил тетрадки со стенографическими записями. Разобрать их я не в состоянии. Правда, на первой тетрадке есть заглавие: «Д?ло Зили-султана». Судя по изношенности тетрадей и по тому, что заголовок написан старой орфографией, писалось это все либо еще до революции, либо сразу после нее – до того, как прошла реформа. Интуиция подсказывает мне, что записи эти могут иметь интерес не только для меня, но и для вас как историка. Зная вашу высокую квалификацию, могу ли я обратиться к вам с нахальной просьбой помочь мне все это расшифровать или хотя бы начать расшифровку, чтобы можно было понять, о чем вообще идет речь?»

Подумал и приписал: «Записи приаттачены в архиве. Заранее благодарен. Ваш Орест».

Прикрепив к письму архив, он отправил письмо адресату и с чистым сердцем лег спать.

* * *

Сергей Сергеевич Воронцов, которому Волин отослал письмо, был генерал-майором КГБ в отставке, историком советских и российских спецслужб. По роду его занятий приходилось ему сталкиваться как с разными видами шифровок, так и различными стенографическими системами. Конечно, можно было бы поискать специалиста на стороне или в самом Следственном комитете. Но зачем искать на стороне, если есть проверенный человек, которого ты знаешь сто лет и которому самому все это может быть интересно?

Однако выспаться как следует Волину не удалось. Он не учел, что генерал, как это принято у людей пожилых, встает на рассвете и сразу смотрит почту. Не прошло и нескольких часов, как Волина разбудил телефонный звонок. На том конце был Сергей Сергеевич.

– Интересную штуку ты нашел, – буркнул генерал, не здороваясь. – И насчет времени угадал. Датирую дневник 1918 годом. А сама история, которая тут рассказывается, относится к 1886 году. Это записки одного очень известного в узких кругах человека. Здесь он зовет себя надворный советник, но мы его знали под настоящим именем.

– Каким? – полюбопытствовал Волин. – И зачем он вообще прятал эти свои дневники, зачем шифровал их?

Однако генерал продолжал, словно бы и не слышал вопроса:

– Я тут посидел немного и перевел вступление. Давай-ка мы с тобой так сделаем. Мне нужно несколько дней, чтобы все это расшифровать. Потом я тебе посигналю. Приедешь – поговорим.

И, не прощаясь, повесил трубку. Заинтригованный Волин только головой покачал. Впрочем, во всей этой истории был для него и практический смысл. Видимо, таинственный надворный советник выдолбил стену прямо рядом с балкой, чтобы спрятать там свои дневники. Странно, что балка после этого вообще столько лет продержалась и не прибила кого-нибудь еще в советские годы. Зато теперь понятно, что никто ни на кого не покушался. Стенку выдолбили, наспех заделали ее кирпичами, а рядом с балкой образовалась пустота, из-за чего, в конце концов, балка и вывалилась. Проще пареной репы, так и скажем полковнику.

* * *

Однако к госпоже Кезьминой и к певице Волин все-таки решил съездить. Потому что догадки догадками, а расследование расследованием.

Кезьмина лежала в одноместной палате с загипсованной ногой и готовилась к операции. Увидев следователя, начала кричать так, как будто это лично он, Орест Волин, бросался в нее балками и продолжает делать это прямо сейчас. Перебить ее никак не удавалось, и Орест некоторое время молчал, делая вид, что слушает, а сам думал, что тут, пожалуй, действительно не помешали бы хлысты, а заодно и кляп в рот. Наконец фонтан Кезьминой несколько поиссяк, и Волин успел спросить, как она оказалась на парковочном месте певицы?

– Ну я же не знала, что это ее место! – снова взорвалась Кезьмина. – Я же приехала, чтобы купить древнюю китайскую вазу эпохи Мин. Там же напротив музей Востока, и там лавка, где продают древний эксклюзив. Там мне обещали очень и очень редкую вазу. Но у нас же невозможно нигде припарковаться, у нас же не город, а какой-то базар. Я ездила, ездила и вот нашла наконец. И тут мне – бац!

– Бац? – переспросил Волин. И задумчиво, как бы для себя, добавил: – А также хрусть, пополам...

Она посмотрела на него подозрительно.

– Что это такое? Какое хрусть-пополам? Вы что говорите?

– Я это к тому, что нога у вас сломалась... – спохватился он.

– А у вас бы не сломалась нога?! – завизжала Кезьмина. – У кого бы не сломалась нога в такой ситуации? У слона? Или у бегемота? Мне еще машину разбили, а такой случай страховкой не предусмотрен.

Не сразу Волин улучил удобный момент, чтобы откланяться и сбежать из больницы. С Кезьминой было все ясно, она оказалась на месте падения балки случайно, никто не мог заранее знать, что она припаркует там автомобиль. Таким образом, версия, что охотились на Кезьмину, отпадала.

Теперь предстоял поход к певице, с которой он договорился о визите еще накануне вечером. Ехать пришлось за город, на дачу.

Волин сам вышел из артистической – и не бедной – семьи, но в таких коттеджах бывать ему приходилось нечасто. Один бассейн на первом этаже чего стоил. Следовательно заработка Волина не хватило бы, пожалуй, даже на то, чтобы оплатить воду в этом бассейне. Оставалось только порадоваться за звезд отечественной поп-сцены – в такой дом и Элтона Джона не стыдно поселить.

Сама певица оказалась очень милой женщиной – внимательной и гостеприимной. Она угостила Волина каким-то совершенно замечательным чаем, от которого он почему-то опьянел, но не по-плохому, чтобы снять штаны и бегать по потолку, а по-хорошему – чтобы штаны не снимать, но лечь на диване, свернуться клубочком и вести долгие разговоры про жизнь.

Но сворачиваться клубочком было некогда, и Волин приступил к разговору. К его удивлению, певица не стала никого обвинять.

– Вы знаете, у меня нет врагов – сказала она, глядя на следователя большими миндалевидными глазами.

– Совсем нет? – удивился Волин. – Все-таки шоу-бизнес, соперницы, завистники...

Она покачала головой.

– Бог миловал – сказала. – Да и кому я могу мешать? Я ведь не рэпер и не суперстар какая-нибудь. Есть у меня миллион-другой поклонников, а мне этого и достаточно. На скромную жизнь хватает.

И, подумав, добавила:

– Да и вообще я в той квартире очень редко бываю. Я или здесь, или за границей живу. А на Никитском бульваре самый центр, шум, гарь, машины. Кто бы стал меня там подстерегать? Так что, думаю, это просто случайность. Кстати, как себя чувствует эта бедная девушка?

Волин, не вдаваясь в детали, отвечал, что «бедная девушка» чувствует себя замечательно, и откланялся.

Нужно было теперь отправить криминалиста на место происшествия, чтобы подтвердить случайный характер падения балки, а после этого можно было с чистым сердцем рапортовать полковнику о закрытии дела.

* * *

Дело закрыли, но без работы старший следователь не остался – в производстве были и другие дела. Прошло дней десять, и Волин почти забыл о таинственных дневниках. Коробка с тетрадями тихо лежала у него дома на антресолях и есть не просила, а дневи, как сказано в Писании, довлеет злоба его. То есть думать приходилось о сегодняшних проблемах, а вовсе не о дневниках столетней давности.

Однако утром в субботу позвонил Сергей Сергеевич. В голосе его трепетало торжество.

– Расшифровал, – сказал он, – готово.

И потребовал, чтобы Волин немедленно приезжал к нему домой – читать.

– Прямо сейчас? – удивился Волин, зевая. – Может, по почте пришлете?

Отвечая на этот неуместный вопрос, генерал употребил такие выражения, что Волин понял: ехать все-таки придется, причем не откладывая.

Спустя час он уже входил в знакомый дом на Поварской. Поднялся на третий этаж, толкнул дверь в квартиру – генерал-майор никогда не запирает двери днем, только на ночь. «Бодрит, – объяснял он, – держит в тонусе». Волин осторожно пенял ему на такую неосмотрительность, тот лишь отмахивался: «Судьбу не перехитришь, захотят убить – грохнут и за Кремлевской стеной, прямо в сортире...». А архивы, спрашивал Волин, за архивы ваши не боитесь? Генерал-майор отвечал, что все архивы у него в надежном месте, здесь – только переведенное в цифру. Так или иначе знающий человек мог попасть к нему домой в любой момент, даже не известив об этом хозяина. Но таких знающих кроме Волина было раз, два и обчелся. Волина же Сергей Сергеевич знал с младенчества. Дело в том, что в свое время генерал ухаживал за его бабушкой – в те еще времена, когда она была молодой женщиной. Но бабушка предпочла bravому офицеру известного артиста и, кажется, никогда об этом не жалела. Зато Сергей Сергеевич жалел до сих пор и время от времени объяснял Волину, что будь его бабушка поумнее, был бы он, Орест, не потомком актеров голожопых, а внуком генерала, жил бы в центре Москвы и вообще катался бы как сыр в масле. Но раз уж не вышло, так не вышло. Тем не менее Ореста он любил настолько, насколько вообще генерал КГБ способен любить живого человека, следил за его успехами и даже пару раз благодаря старым связям помог в сложных обстоятельствах.

– Сергей Сергеевич, это я, – крикнул Волин, войдя в прихожую.

– Давай в гостиную, – отвечал ему откуда-то издали глуховатый голос историка.

Волин двинул в гостиную. Это была комната метров на двадцать пять с высоченными потолками. В советские времена генералам КГБ давали хорошие квартиры. Теперь другие времена, теперь генералы не ждут милостей от государства и берут все, что им надо, сами.

Как ни странно, гостиная казалась небольшой – вероятно, от диванов, столов и кресел, которыми она была набита, как щеки старого хомяка. В последние годы тут появилось даже пианино. Время от времени Сергей Сергеевич присаживался к нему и, тыкая в клавиши одним пальцем, наигрывал «Работа наша такая» и «С чего начинается родина».

– Не хочу отставать от моды – объяснял он. – Куда молодежь, туда и мы. Как говорил Владимир Ильич, задрать штаны, бежать за коммунизмом. Вот только коммунизм наш по-прежнему за линией горизонта.

И сам смеялся своим же незатейливым шуткам. Впрочем, сейчас ему было не до шуток. Он усадил Волина в кресло, сам держал в руках стопку бумаги.

– Ты спрашиваешь, для чего он все это зашифровал? – заговорил генерал, как бы продолжая двухнедельной давности разговор. – Очень просто: чтобы всякие дураки не совали свой нос в исторические документы. Стенография по системе Штольце-Шрея, с использованием правил нотной записи Терне. Так уже лет сто никто не стенографирует, так что пришлось попотеть. Но, скажу тебе, не зря, очень не зря.

И Сергей Сергеевич сунул ему в руки стопку бумаги.

– Читай, – велел генерал.

Волин взвесил в руке увесистую пачку, вздохнул и принялся читать.

Вступление. Надворный советник Икс

«Прежде, чем начать свой дневник, замечу, что меня совершенно не прельщают лавры господина Достоевского, его благородия Ивана Тургенева и даже его светлости графа Толстого. Возможно, я был бы не прочь встать на заре, расчесать черепаховым гребнем седую бороду (каковой не обладаю) и отправиться пахать поле, а хорошенькие крестьянки пусть бы пели и плясали вокруг меня свадебные песни. Но громоздить словесные эвересты, да еще и терзать читателя идеями – нет, слуга покорный. Потому писать я буду без красот и ухищрений, исключительно по делу.

Правда, возникает вопрос: чего ради взялся я за перо, если ни красот, ни ухищрений на горизонте не видно?

Дело в том, что после переворота я вынужден вести затворнический образ жизни – чтобы не мозолить глаза новой власти. Вследствие этого у меня образовалось некоторое свободное время. А письмо – вернейший способ убиения оною, хотя и несколько вредный для окружающих. Вы скажете, зачем писать, если литераторов и без того предостаточно? Признаюсь на это, что от современных книг меня несколько тошнит. Не так, чтобы очень сильно, но достаточно, чтобы вовсе не брать их в руки.

Кажется, Дизраэли сказал: хочешь прочитать хорошую книгу – напиши ее сам. Дерзну последовать мудрому совету. Правда, в искусстве считаю себя человеком прошлого столетия, а, значит, слегка старомодным. Для меня и Чехов – авангардист, а уж про господ вроде Андрея Белого и говорить нечего. Поэтому писать буду так, как привык, а не так, как пишут сегодня.

Вторая причина, почему берусь за перо – желание донести до потомков мой метод. Что за метод такой, спросит вдумчивый читатель, имеющий довольно досуга, чтобы задавать оригинальные вопросы. Отвечу: главный метод, которым я владею в достаточной мере – метод уголовного следствия.

Тут, пожалуй, самое время рассказать, кто я такой. Ваш покорный слуга по роду занятий – дипломат. Однако так сложилась судьба, что мне с молодых ногтей пришлось заниматься уголовным сыском. На то были личные причины, о которых, может быть, расскажу я несколько позже. Так или иначе мое увлечение, или, как говорят наши извечные друзья англосаксы, хобби, стало ни более ни менее, как судьбой.

И хотя в узких кругах я известен довольно, ученики у меня вряд ли появятся. Восточная пословица гласит, что, беря ученика, готовишь себе убийцу. Я же надеюсь, как говорил один знакомый бурлак, еще потянуть лямку жизни. Так или иначе мнится мне, что мое искусство может быть полезно людям и в будущем.

Во избежание кривотолков скажу в двух словах о своем происхождении. Дед мой со стороны отца был декабристом, потомственным дворянином, из числа тех, чей род составлял славу и гордость государства Российского. После приснопамятного выхода на Сенатскую площадь в 1825 году он, как и прочие его товарищи, был лишен чинов и дворянства и сослан в каторжные работы, а затем – на поселение. От деда мне досталось железное кольцо, выкованное из кандалов, в которых декабристов гнали на каторгу. Я ношу фамилию матери, а

не отца. Будучи потомком славного рода, дворянство – сначала личное, а затем потомственное – я получил на службе Российской империи. Впрочем, после переворота 1917 года всякая аристократия у нас была упразднена, и теперь я такой же гражданин РСФСР, как и любой пролетарий.

Я был рожден двадцатого марта 1853 года. Кроме родителей, у меня есть младший брат и младшая сестра. К сожалению, нас разлучили, когда я был еще весьма юн. Отец мой, по природе честнейший человек, стал жертвой интриги продажных чиновников и обвинен был в преступлении, которого не совершал. Обвинения грозили ему тяжелейшими последствиями. Не надеясь на справедливость суда, он вместе с матерью и младшими детьми бежал за границу. Именно эта история стала первым делом, которое я расследовал спустя некоторое время и доказал, что отец ни в чем не виновен. Однако родитель мой не захотел возвращаться на родину, которая обошлась с ним столь несправедливо.

После того, как деда моего лишили дворянского звания, и мой отец, и я сам числились мещанами. Однако благодаря родственным связям мне удалось поступить в кадетский корпус – заведение преимущественно дворянское. Жизнь там оказалась более бурной, чем можно было полагать со стороны. Молодые недоросли помимо военных и общих наук изучали и предметы куда более специфические. Например, были очень распространены карточные игры, в которых я изрядно поднаторел. Кроме того, там я увлекся шахматами. И хоть на звание маэстро никогда не претендовал, но в силу первой категории все же играю. Из общих дисциплин особое мое внимание привлекла химия. Это мое увлечение оказалось очень полезным для моей будущей деятельности.

Закончив корпус, который к тому времени стал именоваться военной гимназией, в армию я не пошел, но поступил в университет, после чего благодаря реформам Горчакова сравнительно легко поступил в Министерство иностранных дел. Так случилось, что к тому времени я уже раскрыл несколько сложных дел и приобрел у себя в департаменте репутацию дипломата-сыщика. Этим пользовалось мое руководство, когда нужно было распутать сложные узлы в международных отношениях. Кроме того, меня, если можно так выразиться, «одалживали» Министерству внутренних дел, в частности, когда требовалось раскрыть деятельность крупных преступных организаций, связанных с границей, таких, например, как большевики.

В дневнике моем я не намерен писать всего и уж подавно не буду называть всех по именам. Это опасно: некоторые мои персонажи не только еще живы, но и числятся врагами большевистской власти. Признаюсь, я и сам когда-то по долгу службы боролся с вождями и героями этой самой власти. Делал я это без особого усердия, а иногда даже и сочувствуя им – все-таки люди верили, что сражаются за справедливость. Однако сочувствие сочувствием, но когда-то, каюсь, отправил я в тюрьму нескольких видных башибузуков из окружения Ульянова-Ленина. Так что, если вдруг установят авторство этих записок, мне придется весьма солоно. Товарищи комиссары наверняка сочтут меня приспешником кровавого царизма и захотят восстановить в отношении меня социальную справедливость. Или, выражаясь современным слогом, шлепнуть без суда и следствия.

Именно поэтому я решил зваться просто надворный советник Икс. Буква эта, как легко догадаться, выдумана от начала до конца: ее нет ни в имени моем, ни в фамилии, ни даже в отчестве. Что же до моего чина, то когда-то, в самом деле, был я и надворным советником, хотя воды с тех пор утекло немало.

Кроме того, есть у меня слуга-азиат, которого я буду звать Ганцалин, или, на русский манер, Газолин. Признаюсь, что Газолин – это не чистая фантазия. Слуга мой получил это именование, когда мы расследовали дело даосского ордена «Семи звезд» в Китае. С природным именем ехать ему в Поднебесную было бы крайне рискованно. Пришлось искать для него китайское прозвище. Я тогда торопился и подобрал первые попавшиеся иероглифы – Ган Цза Лин. Если переводить, вышло что-то вроде «Шест Пестрого Лицедея». Двусмысленно несколько, не спорю, зато забавно. Он, кажется, ужасно обиделся, решив, что я делаю из него обычного скользкого азиата, при том, что он – настоящий благородный муж. В Газолина же он превратился, вернувшись в Россию: так на русский манер я звал его, когда он доставлял мне неприятности.

Тем не менее Газолин мой меня любит и все от меня терпит. Во-первых, он считает меня великим человеком, хотя по скромности своей я – всего-навсего выдающийся. Во-вторых, когда-то я спас ему жизнь. Один английский шпион стал причиной гибели его невесты. Газолин решил убить мерзавца, но по ошибке убил его помощника, тоже англичанина. Впрочем, для суда это было неважно – Газолину все равно грозила смертная казнь. Рассмотрев дело всесторонне, я решил, что смерти он не заслуживает, и организовал ему побег из тюрьмы.

Именно после этого Газолин и поступил ко мне на службу. Я, правда, не собирался его брать, но он решил все за меня.

– Газолину, – сказал он, – ничего не надо. Только позвольте быть рядом с хозяином.

Мне оставалось лишь пожать плечами и согласиться. Иной раз судьба так явно выражает свою волю, что противиться ей глупо, гораздо умнее покориться. И если повезет, потом долгие годы будешь благодарить себя за смирение. А если не повезет... ну, тогда лишний раз убедишься, что судьба – индейка. Но, во всяком случае, сам ты сделал все, что мог, и не будешь мучиться пустыми сожалениями.

Еще одна фигура, о которой нельзя не сказать – мой патрон. Которого, пожалуй, буду я титуловать именем простым и скромным, а именно Его превосходительство. Конечно, по табели о рангах его следовало бы именовать иначе. Однако я уверен, что старик не обидится на такую вольность с моей стороны, тем более что он давно уже почил в бозе.

Что до остальных участников событий, их я буду звать исходя из обстоятельств, то есть как в голову придет. Будут тут и подлинные имена, будут и псевдонимы, а иной раз – просто инициалы, все эти иксы и игреки, которые так любят учителя арифметики и терпеть не могут школяры.

Кроме того, для вящей безопасности дневник свой я буду вести стенографическим письмом. Конечно, для знающего человека это не препятствие, но от случайных людей оградит.

В моих литературных упражнениях еще и тот смысл, что никто другой уж не напишет про меня какой-нибудь чепухи. Да и кто, скажите, хотел бы, чтобы жизнь его выворачивали наизнанку? Писатели, желая сделать персонажа живым и ярким, иной раз награждают его странными чертами. Например, изображают кривым, косым, безногим или чем-то в том же роде. Не спорю, всегда можно дать герою какой-нибудь удивительный талант, например, чтобы он икал каждые полминуты. Но поверьте на слово – книга от этого улучшится не сильно.

Взять, например, хоть Шерлока Холмса – зачем было изображать из него морфиниста? Шаг совершенно непонятный, ведь сыщику нужен ясный ум, а

какая ясность от употребления морфия? И это не говоря о том, что морфинист – раб своей несчастной привычки и собой он владеет не больше, чем курица лапой. Если бы мемуары о себе писал сам Шерлок, наверняка он вышел бы куда лучше, чем в пьяных фантазиях доктора Ватсона.

Теперь, пожалуй, самое время приступить к делу.

Глава первая. Швед крещеный

История, о которой пойдет речь, началась в служебном кабинете министра иностранных дел Николая Карловича Гирса. К кабинету меня провел молчаливый секретарь с лицом таким важным, будто это именно он тут министр, все же остальные – секретари.

В самом кабинете первым меня встретил отнюдь не Гирс, а физиономия государя императора Александра III. Точнее, созданный по ее мотивам портрет. Император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский глядел со стены весьма сурово, как бы собираясь сказать: «Что это вы тут задумали, мерзавцы?!» Не дождавшись сей сакраментальной фразы, я отвел взгляд от самодержца и быстро осмотрелся.

Кабинет министра был весьма просторным, но из-за правильно расставленной мебели выглядел почти уютно. Его украшению сильно способствовали синие-серые атласные диваны и кресла. Массивный стол вызывал ощущение чего-то надежного и устойчивого, а разложенные на полу персидские ковры делали шаги посетителей почти бесшумными.

Благодаря этим коврам я тоже вступил в кабинет бесшумно и, выжидая, остановился возле двери. Гирс сидел за столом и по самые уши погружен был в бумаги. Несколько секунд я изучал внешность знаменитого дипломата. Высокий софокловский лоб, безуспешно стремящийся перейти в лысину, вытертые от долгого употребления брови и чуть выпуклые, немного задумчивые глаза делали это лицо почти грустным, когда бы не могучий нос и усы, сливающиеся с мощными седыми, несколько устарелыми бакенбардами, которые, на мой вкус, пора было бы уже сменить на куда более современную бороду.

Министр был фигурой даже на нашем пестром политическом небосклоне: западник и белая ворона среди ярых почвенников и патриотов. Его, впрочем, равно недолюбливали и лоялисты, и свой же брат либерал. Бранили, что осторожничает, что заигрывает с германцами, а пуще всего – что инородец. Шведские предки Гирса состояли в русской службе еще с середины XVIII века, и сам Николай Карлович родился в России, но российское подданство принял только в 36 лет.

– Конь леченый, вор прощенный и швед крещеный – одна цена, – шутили высокопоставленные патриоты, когда речь заходила о нашей внешней политике. Меня такие шутки коробили, но сам Гирс, кажется, не обижался. Более того, со смехом цитировали его изречение, якобы сказанное в узком кругу: «всю жизнь я по капле выдавливал из себя шведа и лютеранина». И хоть я не верил, что Гирс мог сказать что-то подобное, чуть позже модный сочинитель Чехов переделал эту фразу в куда более радикальную...

Наконец министр поднял голову от бумаг и внимательно посмотрел на меня. Тут я увидел, что ни о какой грусти речи идти не может – передо мной был опытный царедворец, то есть крокодил во всей его красе. Скажу откровенно, не хотел бы я стать врагом такого земноводного. Впрочем, в друзья к нему я бы тоже не торопился.

Несколько секунд сей крокодил разглядывал меня довольно строго. Затем, как бы поняв, кто перед ним, вдруг улыбнулся очень приятно и трогательно. «Да хоть в уста сахарные меня целуй, нет тебе доверия», – подумал я, но вслух, разумеется, не сказал. Гирс произнес пару комплиментов моему таланту следователя, который гремит под небесами не хуже вичевого колокола. Я, в свою очередь, вежливо улыбнулся, но из осторожности промолчал. Не размениваясь больше на пустяки, Гирс взял быка за рога.

– Его превосходительство изложил вам суть дела?

– В самых общих чертах, – отвечал я уклончиво.

Его превосходительство, мой патрон, имеет существенный недостаток – он необыкновенно скрытен. Даже если шеф лично поручает вам расследование, о некоторых важных обстоятельствах все равно придется догадываться самому. И в этот раз он сказал только, что отправляет меня в распоряжение Гирса и что

задание мое – государственной важности.

Министр кивнул понимающе.

– В таком случае давайте-ка я расскажу все с самого начала.

Гирс вытащил из несгораемого шкафа кожаную папку и стал выкладывать на стол фотографические портреты коронованных особ, тут же давая им краткие, но выпуклые характеристики.

На первой фотографии красовался нынешний персидский шахиншах Насер ад-Дин или, говоря попросту, Насреддин. Царь царей оказался корпулентным мужчиной с длинными усами, на которые не действовало земное притяжение, и весь в орденах, словно цирковая лошадь. Гирс поэтически звал его Насер ад-Дин шах Каджар. Я сразу вспомнил, что Персия не была министру чужой, когда-то он четыре года провел в Тегеране на посту чрезвычайного посланника. С тех пор, правда, много воды утекло, но у дипломатов вся вода течет, куда следует, и ни единой капли не пропадает зря.

– Насер ад-Дин – фигура оригинальная, – негромко говорил министр. – Мнения на его счет расходятся. Одни считают его добрым человеком, другие – деспотом и кровопийцей. И то, и другое до некоторой степени правда. Я бы сказал, что многое зависит от его настроения, во-первых, и от его личного отношения к делу или человеку, во-вторых. Любой, кто хочет подобраться к властелину поближе, должен понравиться лично ему, и именно как человек. Деловые качества тут на втором, третьем и даже тридцать девятом месте. В детали я входить не стану, чуть позже вам передадут подробную справку. Для нас крайне важно, что шахиншах считает себя другом России...

– И Британии, насколько мне известно, – вставил я. Я знал, что нынешний шах Каджар обожает фотографию, а приохотила его к этому делу сама королева Виктория. Именно она в свое время подарила царственному подростку фотоаппарат.

– И Британии, – согласился министр без тени неудовольствия на лице. – Собственно, в этом и состоит наше главное беспокойство. Как вы, может быть, знаете, у Насер ад-Дина есть несколько сыновей. Нас сейчас интересуют двое старших. Один – Масуд Мирза Зелл-э Султан, или просто Зили-султан. По закону

первородства именно он должен был после смерти отца стать его преемником. Однако Российская империя не признает Зили-султана законным наследником первой очереди.

Гирс посмотрел на меня со значением, но я и бровью не повел. Меня не удивило, что Россия решает, кому быть персидским правителем: Туркманчайский договор давал нам в Персии весьма широкие полномочия.

– Именно так, – согласился министр. – Мы не признаем Зили-султана наследником, поскольку он рожден от девушки простого рода, не принадлежащей к племени каджаров. Разумеется, на это можно было закрыть глаза, если бы не его характер. Но все дело в том, что Зили-султан – изверг и... англоман.

Я слегка улыбнулся, Гирс заметил это. Физиономия его осталась неподвижной, но в глазах зажегся бледный огонь.

– Разумеется, мы могли как-нибудь перетерпеть его тиранический нрав, но мы не можем терпеть его пристрастие к британцам, – сожаление выразилось на лице старого дипломата. – Если Зили-султан взойдет на престол, Персия для нас будет потеряна.

«Для нас – Персия, а для тебя – должность министра», – подумал я. На Балканском полуострове нашу политику преследовали одни неудачи. Не хватало еще получить нокаут от англичан в Персии. Все знали, что Александр III благоволит Гирсу, но тут даже его терпение могло лопнуть.

Внезапно мне показалось, что мы не одни в кабинете – я явственно ощутил присутствие за спиной. Бросив рассеянный взор по сторонам, как бы оглядывая обстановку, я увидел, что входная дверь чуть приоткрыта. При этом я точно помнил, что плотно прикрыл ее, заходя в кабинет. Что бы это значило? Дверь открыло сквозняком? Это едва ли, уж слишком она тяжелая. Тогда что? Ответа на этот вопрос могло быть два: либо с безопасностью в министерстве совсем плохо, либо со мной ведут двойную игру.

Министр как будто ничего не заметил и продолжал свой рассказ.

– В сложившихся обстоятельствах на первый план для нас выходит другой сын шаха Каджара, Мозафареддин или, попросту, Мозафар. Он сын княжны и, что более важно, русофил. Именно он по праву должен бы стать следующим шахиншахом. Однако...

Гирс сделал паузу и посмотрел на меня пронзительно, словно штык воткнул в переносицу. Стало окончательно ясно, что образ доброго старичка – лишь маска для чужих глаз. Тем не менее взгляд этот я выдержал и глаз не отвел. Кажется, Гирсу это понравилось.

– Однако трудность в том, что наш Мозафар безвылазно сидит на окраине империи в Тавризе и не влияет ни на отца, ни на политику в целом, – продолжал министр. – В то же самое время Зили-султан обретается в самом центре страны, неподалеку от столицы, и он – губернатор одновременно Исфахана и нескольких других провинций. Более того, у него есть прозвище: «Ямин-ад-Даулах», что значит Правая рука правительства.

– И такого человека мы лишили престола, – заметил я не без иронии.

Гирс едва заметно поморщился – похоже, замечание мое попало не в бровь, а в глаз.

– Во всяком случае, мирным путем шахиншахом он не станет. Он и сам это понимает и, насколько нам известно, исходит ядом. Главное, что нас беспокоит сейчас – чтобы он не столкнулся с англичанами и не пошел добывать себе трон силой.

– А он на такое способен? – полюбопытствовал я.

Оказалось, что способен. Более того, не так давно Зили-султан собрал свою личную армию.

– И это не какое-то потешное войско, – уточнил Гирс. – Тогда как армия его отца – это просто плохо обученный и слабо вооруженный сброд, Зили-султан для своего войска выписал из Германии лучших военных инструкторов, и они уже достаточное время обучают его солдат и офицеров. И вот только что пришла новость – королева Виктория наградила Зили-султана орденом Звезды Индии. При этом наследника Мозафареддина англичане этим орденом обошли.

Подобное вызывающее поведение британской короны вызывает у нас серьезное беспокойство.

– Вы полагаете, англичане подталкивают Зили-султана к захвату трона? – спросил я напрямик.

Министр осторожно заметил, что исключать ничего нельзя. Конечно, с простыми пистонными ружьями Зили-султан против отца не пойдет. Но британцы могут вооружить его на современный лад, и тогда поход принца на Тегеран окажется стремительным и победоносным.

Я невольно улыбнулся: вера Гирса в превосходство Запада казалась какой-то детской. Неужели он думает, что английские карабины мощнее наших винтовок Бердана?

– Нашими винтовками персидские сарбазы почти не пользуются, только на парадах, для красоты, – отвечал министр. – Это значит, что и стрелять из них они толком не умеют. Де-факто армия шаха вооружена только устаревшими пистонными ружьями. Но дело не только в этом. Что вы знаете о пулемете Максима?

Это сочетание слов показалось мне знакомым. Я на миг задумался, в памяти всплыло английское слово «маши?нган»[1 - Machine gun - пулемет.].

– Кажется, какой-то изобретатель представил года три назад в Лондоне скорострельную самозарядную винтовку – сказал я не слишком уверенно. – Но, насколько мне известно, ей никто не заинтересовался. Посчитали, что это пустая трата пуль.

– Пулемет Максима – это не какая-то винтовка, – проговорил министр, и глаза его вспыхнули. – Это оружие грядущего. Один человек, управляющий им, способен перебить роту врагов. Пулемет чрезвычайно мобилен и легок, его можно перевозить на телеге и стрелять из него на ходу. Боевая скорострельность этого чудовища составляет около трехсот выстрелов в минуту.

Это было впечатляюще, но я знавал примеры и повнушительнее. Картечница Гатлинга, например, может производить до тысячи выстрелов в минуту.

– Орудие Гатлинга неповоротливо, и вести из него по-настоящему прицельную стрельбу трудно, – отвечал Гирс. – В нем много стволов, и потому прицельность весьма приблизительна, он просто слепо палит в заданном направлении. У Максима же всего один ствол, и пулемет этот, как я уже говорил, может быть очень подвижен. Любую картечницу или митральезу легко накрыть выстрелом из пушки, а пулемет Максима может безостановочно перемещаться по полю боя лошаадьми. Если при этом поставить его на небольшой лафет, он может вращаться по окружности. Поверьте, этот пулемет на голову превосходит все прочие виды стрелкового оружия. Если вы все еще сомневаетесь, скажу, что работу над ним финансирует не кто-нибудь, а сам барон Ротшильд. А этот человек ошибается крайне редко.

Я нахмурился. Дело выглядело весьма неприятным.

– Этот... пулемет уже применялся в боевых условиях?

– Пока нет. Но вот вам и удобный случай. Если Зили-султан получит его от британцев, мы не успеем глазом моргнуть, как он захватит Тегеран. Армия Насер ад-Дина даже не подумает сражаться с таким чудовищем, солдаты просто разбегутся в разные стороны.

Я задумался. Если то, что говорит министр, правда, противостоять пулемету Максима будет очень нелегко. Но, насколько я понимаю, в Лондоне представляли опытный экземпляр. Как быстро его можно запустить в производство и поставить на вооружение?

Этого министр не знал. Однако полагал, что исходить следует из худшего – то есть из того, что таких пулеметов произведено уже некоторое количество и они готовы к использованию.

С минуту мы оба молчали.

– Вы понимаете важность ситуации? – наконец спросил Гирс.

Я кивнул.

– Пожалуй. Однако не понимаю, чем могу быть вам полезен именно я?

Гирс криво усмехнулся.

– Во-первых, вы лучший сыщик в Российской империи, а, может быть, и в Европе...

Я склонил голову, молчаливо протестуя против столь сильного комплимента. Даже если это и так на самом деле, приличия требуют от меня скромности – хотя бы внешней.

– Не спорьте, – Гирс повысил голос. – Нам нужен не просто шпион, а шпион с умениями детектива. Кроме того, вы счастливчик, судьба вам благоволит. А в таком деле это очень важно.

– Но я даже не знаю персидского, – отбивался я.

– И не нужно. В Персии очень многие говорят на тюркском. Сам нынешний шах Каджар до двенадцати лет говорил только на нем и вовсе не знал персидского. Вы же некоторое время служили в Туркестане и тюркский знаете. Таким образом, в общении у вас также не будет никаких трудностей. В самом крайнем случае вам помогут наши драгоманы[2 - Драгоманы – переводчики с восточных языков.]. Но, думаю, этого не потребуются.

Он умолк. Молчал и я. Меньше всего мне хотелось уезжать из России, на то были веские личные причины. Но личные причины – не основание отказываться от задания.

Я не боялся, что меня разжалуют в случае отказа, но могли подумать, что я испугался опасного дела. И это при том, что я уже был известен как человек, которому сам черт не брат. Что же получается – noblesse oblige, или, перефразируя знаменитое выражение, репутация диктует нам образ действий? Выходило, что так... В конце концов, сказал я себе, дело вполне может оказаться интересным.

– Хорошо, – сказал я хмуро, – хорошо. В чем именно будет состоять моя миссия?

Глава вторая. Враг шахиншаха

Ганцзалину я велел ехать отдельно от меня. Пусть никто до поры до времени не знает, что мы – господин и слуга. На пароходе я взял ему место в каюте второго класса и велел выдавать себя за калмыка, едущего в Персию по торговым делам. Сам я, как и положено, отправился первым классом.

– За хозяином будут следить? – любопытно спросил Ганцзалин.

– Да, – сухо отвечал я. – За мной будут следить, а ты будешь следить за теми, кто будет шпионить за мной.

Ганцзалин только молча кивнул и попятился к двери.

Отплывали мы через три дня. За это время я должен был выучить воинские уставы и подобрать себе новый гардероб. Дело в том, что в Персию я ехал не как надворный советник Х, а как кавалерийский ротмистр Нестор Васильевич Загорский. Почему я взял именно такое имя? А почему бы и нет? Тем, кто меня знал, да и мне самому это созвучие показалось забавным.

Гирс предлагал мне дипломатическую должность, но я отказался. К посольским всегда много внимания, в них – часто не без основания – подозревают шпионов. К тому же, расследовать военные дела всегда удобнее военному. В числе русских инструкторов в Персии сейчас находятся полковник Генерального штаба, три офицера и пять урядников. По договору между Персией и Россией они служат там по три года. У одного из обер-офицеров как раз кончается трехлетний срок, так что я займу его место в бригаде.

О службе в армии я знал не понаслышке, шашкой владел, наездником был хорошим. Так что с этой стороны никаких неприятностей я не ждал. Меня немного волновало, что по-персидски я не говорю, но за оставшиеся дни я надеялся усвоить обиходные слова и выражения. И, кстати, рекомендовал поучить язык и Ганцзалину – хотя бы основные формулы вежливости. Тот дерзко отмахнулся, сказав, что вежливость пристала высокородным особам. Он же будет действовать среди простых людей, так что учить надо не вежливые слова, а, напротив, бранные. По его мнению, это вернейший способ возбудить к себе уважение и любовь как в России, так и в Персии.

– Ругает – значит любит, – завершил он свою речь, безбожно переврав известную поговорку.

Вообще, Ганцалин проявляет похвальное спокойствие, чего не могу сказать о себе. Сколь бы ты ни был хорош в своем деле, иной раз попадаются задачи не просто трудные, а нерешаемые. Понять же, какая именно задача попала в этот раз, ты можешь только после того, как решишь ее. Или, напротив, не решишь.

Пароход наш, громко именуемый «Шах», производил впечатление древнего корыта, каким и был в действительности. Он вышел из Баку и в случае особенного везения должен был не потонуть в ближайшие же часы, а доставить нас к персидскому порту Энзели.

Пока мы шли по морю, ничего интересного не случилось. Я продолжал учить персидский язык – если можно так назвать мои варварские экзерсисы. Ганцалин же, следуя своей деятельной натуре, рыскал по всему кораблю в поисках приключений. Каковых, на наше счастье, так и не отыскал.

Стоит заметить, что при всей своей сверхъестественной ловкости мой слуга обладает даром притягивать к себе неприятности. Если бы он действовал один, жизнь его наверняка уже прервалась бы самым печальным образом. Однако его невезение обезвреживается моей удачливостью, так что в целом мы составляем вполне обычный отряд. Когда удача особенно нужна, я стараюсь держать Ганцалина на некотором расстоянии, хотя это его и обижает. Но дело даже не в обиде. Я уверен, что если он окажется без моей защиты, злосчастная звезда Ганцалина просто-напросто прикончит его в самом скором времени. Именно поэтому я вынужден терпеть его рядом, иногда поругивая за неосмотрительность.

Тут к слову стоит заметить, что морские путешествия интересны только в романах. В жизни это весьма однообразное занятие, выдержать его без ущерба может разве что прирожденный моряк или влюбленная парочка. Море, которое согласно писателям всегда разное, на самом деле одно и то же на протяжении многих миль. На борту не было ни прекрасных дам, ни интересных собеседников. Некоторое развлечение мог бы доставить десятибалльный шторм, который потопил бы наше старое корыто вместе с командой и пассажирами, но этой сомнительной потехи мы так и не дождались.

Таким образом, в указанный срок мы благополучно сошли в Энзели. Строго говоря, в сам Энзели пароход не заходил, а стал на рейде. После этого пассажиров на местных лодках-кирджимах доставили к берегу. Чистая публика первого класса была недовольна, но делать нечего, приходится терпеть: сухопутный путь до Персии гораздо длиннее.

В Энзели прямо на берегу мы увидели один из шахских дворцов. К моему удивлению, это оказался просто заброшенный многоэтажный павильон. Здесь же обнаружили и пограничные укрепления, которые охраняют несколько десятков солдат и четыре древние пушки, судя по их виду, стрелявшие последний раз при сотворении мира. Солдат здешних, кажется, набирали по всем персидским канавам: мундиры у них вылинявшие, не по размеру, штаны не прикрывают даже щиколоток.

– Мы вдвоем могли бы разогнать этот гарнизон в пять минут, а после захватить весь берег, – шепнул я Ганцзалину, пока нас сажали на новые лодки и везли уже к другому месту, а именно к местечку Пир-Базар.

– Я бы и сам, один разогнал и все бы тут захватил, – спесиво отвечал мне Ганцзалин.

Образ Ганцзалина в пышных усах, исполняющего обязанности шахиншаха, показался мне несколько комическим. Ганцзалин, однако, смотрел крайне серьезно. Боюсь, задержишь мы тут хотя бы на пару дней, он бы исполнил свой воинственный план. И тогда Зили-султану пришлось бы иметь дело с куда более опасным врагом, чем его августейший папаша.

* * *

Пир-Базар оказался типичным торговым местом, где ежедневно разгружались сотни лодок, перевозя товары с пароходов на берег и с берега на пароходы. Общая атмосфера была мне знакома по Туркестану, однако здесь имелись свои тонкости, о которых, пожалуй, расскажу чуть позже.

Ганцзалин быстро разнюхал обстановку и сообщил, что до Тегерана можно добраться сравнительно быстро, дня за четыре, а можно и медленно – за двенадцать дней. Как угодно ехать господину?

– Что ты глупости спрашиваешь, – поморщился я, – у нас дело государственной важности. Конечно, быстро. Будь любезен, распорядись.

Однако Ганцалин глядел на меня крайне хитро и действовать не спешил. Оказалось, так называемый короткий путь не так уж и короток. С точки зрения расстояния он такой же, но с точки зрения удобств – совершенно иной. Если хотите ехать быстро, передвигаться придется по-курьерски, на сменных лошадях. А здесь это обычно – необыкновенные одры, которые, во-первых, скачут каким-то людоедским аллюром, во-вторых, могут в любой момент отдать богу душу, оставив вас одного посреди дороги. Второй же, медленный, путь оказался куда более цивилизованным – надо было идти вместе с караваном, который ведут погонщики-черводары.

Я задумался. Тратить на дорогу двенадцать дней было мне жалко. Однако в пути я мог дополнительно поупражняться в персидском языке, к тому же оживляя его общением с персами. Кроме того, за это время можно будет присмотреться к характеру подданных шахиншаха. Да, в столицу я приеду на неделю позже, но уже подготовленным. Едва ли за эту неделю Зили-султан устроит переворот. Взвесив все плюсы и минусы, я махнул рукой и решил все-таки отправиться с караваном.

Слуга мой владел тюркским гораздо хуже меня, а персидским вообще никак, так что переговоры пришлось вести мне. Прошли они на удивление гладко, и уже в полдень мы выступили с караваном в сторону Тегерана. Я успел переодеться в русскую военную форму и, сидя на муле, выглядел так внушительно, что верный Ганцалин решил меня короновать.

– Это вам надо быть императором, а не ему, – заявил он мне, разумея под «ним» Александра III.

По счастью, никого русских рядом не было, а не то впору было бы заводить дело о государственной измене.

– Я подумаю о твоём предложении, – тем не менее сказал я Ганцалину.

Все дальнейшие переговоры с вожаком караванщиков, он же караван-баши, вел уже Ганцалин. Как это ему удавалось, я не знаю; кажется, он обходился жестикуляцией и некоторыми бранными персидскими словами, которые все-таки

выучил и которые снискали ему среди черводаров необыкновенное уважение.

* * *

Путь наш в первый день оказался довольно коротким. Через несколько часов бодрой езды мы въехали в город Решт. Вместе с караванщиками селиться мы не стали, я отправил Ганцзалина порыскать по городу. Вернувшись через час, он объявил, что отыскал для нас самую лучшую местную гостиницу.

Признаюсь, я жывал в разных условиях, но наш номер меня удивил. Некрашенные стены, дыры в полу и потолке, через которые по очереди заглядывают тараканы и любопытные постояльцы. Тараканы, кроме того, под настроение прямо заходят к нам в гости. За ними гоняется Ганцзалин и методично их истребляет. Если бы таракан был пушным зверем, полагаю, что мы бы очень скоро обогатились.

В комнате нашей никакой мебели, постели устроены прямо на полу, на рваных и нечистых матрацах. В постелях этих кишат клопы и другие местные жители, которым я и названия-то не знаю.

– У нас лучшая гостиница в городе, – тем не менее твердо заявил Ганцзалин в ответ на мое неудовольствие. – Все остальные еще хуже.

Я велел ему купить керосина, мы побрызгали им постели и улеглись спать под тихие крики умирающих насекомых. Во всяком случае, Ганцзалин уверял, что он эти крики отлично слышит.

Однако он ошибся: насельники матрасов не умерли, а лишь впали в летаргию. Придя в себя часов в семь утра, клопы принялись кусаться так злобно, что мы с Ганцзалином быстренько поднялись и, наскоро завершив туалет, двинулись на постоялый двор к нашим черводарам.

Здесь меня неожиданно посадили в тахтараван – род сундука или закрытых носилок, которые тащат на себе две пары мулов, меняющихся в дороге. (Забегая вперед, скажу, что название полностью отражало суть экипажа). Я, почуяв неладное, хотел было отказаться, но черводары начали вопить, что так положено – высокий гость должен ехать в носилках. Особенно усердствовал караван-баши, который кричал, что покроет себя вечным позором, если

допустит, чтобы такой великий человек ехал на муле как простой смертный.

– Я с места не сдвинусь, если господин не сядет в экипаж! – заключил он свой пламенный монолог.

– Везут важного человека – себе цену набивают, – объяснил настойчивость черводаров всезнающий Ганцзалин. – Лучше не спорьте, хуже будет.

Проклиная все на свете, под насмешливым взглядом Ганцзалина я влез в носилки, и меня поволокли – иного слова не подберу – к городским воротам. Правда, судьба отомстила за меня. Когда Ганцзалин отвлекся, его мул исхитрился и с необыкновенной ловкостью плюнул ему на спину. И, кажется, получил от этого огромное моральное удовлетворение. Раньше я думал, что на такие чудеса способны одни верблюды, но, как видим, жесточайшим образом ошибался. Иной раз поражаешься, сколько же тайн, непостижимых для ума, содержит в себе природа! Об этом я даже сказал Ганцзалину, на что он надулся и не захотел со мной разговаривать, решив, что это я так утонченно над ним насмехаюсь.

* * *

За городом нас атаковали нищие и дервиши, сидевшие у ворот и обиравшие всех входящих и выходящих. К счастью, черводары весьма убедительно разогнали их бранью и пинками. Дополнительный ужас вселял в попрошаек Ганцзалин, которой отнял у одного дервиша его посох и грозно махал им в воздухе, словно бог Индра – своей ваджрой.

Пройдя, как сквозь строй, через партикулярных нищих, мы стали свидетелями зрелища куда более жуткого: по краю дороги в ряд сидели прокаженные. Судя по всему, вход в город им был запрещен, а жить как-то все равно было нужно. Безносые, с оплывшими лицами, со страшными рубцами через все лицо, они ныли что-то гнусавыми голосами, прося подаяния и протягивая к нам свои чашки. Караван-баши попросил не давать им милостыни, иначе они кинутся на нас всей ватагой и перевернут тахтараван. Пришлось мне умерить свое милосердие – надеюсь, Будда меня за это простит.

Мы быстро миновали страшное поприще прокаженных, и я, если можно так выразиться, углубился в езду. Тахтараван оказался сооружением чрезвычайно тряским: расслабившись, можно было откусить себе язык, так что приходилось быть внимательным. Я постарался слиться с экипажем, надеясь, что это приведет меня в гармонию если не с миром, то хотя бы с тахтараваном.

Однако медитация моя оказалась недолгой. Спустя пару минут где-то неподалеку послышался частый стук копыт. Из любопытства я высунул голову наружу и увидел, что нас рысью догоняют два всадника. Судя по виду, это были полицейские ферраши. (Вообще-то феррашами здесь зовут слуг, но это прозвище распространяется и на нижние полицейские чины). Один был из рядовых, второй – что-то вроде нашего унтер-офицера. При этом рядовой был огромен, как норвежский тролль, и выражение лица имел соответствующее, а унтер, напротив, оказался изящен и даже щеголеват.

Наши черводары, увидев полицию, смешались и остановили караван. Ганцалин на всякий случай ушел в тень моего тахтаравана, так, чтобы не мозолить глаза стражам закона. За всадниками по пятам бежали дервиши – крича необыкновенно скандально и размахивая руками. Меня это удивило: неужели нищие рассчитывали выдоить милостыню у полицейских?

Стражники подъехали к черводару, замыкавшему наш караван, и стали его о чем-то спрашивать. Тот, судя по физиономии, отвечал что-то вроде «не знаю, не видел». Унтер прикрикнул на черводара, но тот стоял на своем: не знаю, не видел.

Воспользовавшись задержкой, дервиши догнали всадников, окружили их со всех сторон и подняли невообразимый гвалт. Один из дервишей даже схватился за уздцы унтеровой лошади и стал указывать вверх, то ли призывая в свидетели Аллаха, то ли грозя карой небес. Унтер замахнулся на него плеткой, но ударить не решился. Второй ферраш стал наступать своей громадной лошадью на наглого дервиша, оттесняя его на обочину. Тот попятился и упал. Остальные дервиши взревели и взяли полицейских в плотное кольцо.

И тут я почувствовал, что уже не один в своем тахтараване. Скандал отвлек меня, и ваш покорный слуга потерял всякую бдительность. Я резко повернул голову – напротив сидел мальчишка лет пятнадцати, одетый в широкие шальвары, синюю суфийскую хирку, сшитую из кусков ткани, и белый колпак. На плече у него висела котомка. В тахтараване было темновато, но чумазую

физиономию и сияющие белки глаз я разглядел преотлично.

- Ты кто такой? - спросил я по-персидски - на это моих познаний в языке хватало.

Неожиданно для меня оборванец отвечал на очень недурном английском языке.

- Господин, меня преследуют власти. Прошу, не выдавайте, иначе меня казнят.

- Казнят? - удивился я. - Какое же преступление ты совершил?

Оказалось, нового знакомого хотели арестовать за то, что он бабид - приверженец религиозной секты, запрещенной в Персии. Ее основатель Баба был казнен, а секта рассеяна по всей стране. Однако отдельные его последователи продолжали исповедовать свой культ. Их объявили государственными преступниками за то, что они организовали несколько покушений на шахиншаха. Покушения провалились, но легче от этого бабидам не стало.

- Так ты, значит, враг шахиншаха? - строго спросил я.

Мальчишка отчаянно замотал головой.

- Нет-нет, я не бабид, - запротестовал он, - я суфий, мюрид тариката накшбандийя. Видите, на мне хирка.

- В хирку может вырядиться любой, - отвечал я, и мне почудилось, что мальчишка при этих словах вздрогнул. Но он тут же пришел в себя и снова страстно заговорил.

- Нет-нет, я не обманываю вас, верьте мне, господин! Если хотите, я прочитаю вам вслух любой зикр нашего тариката.

- Откуда ты знаешь английский? - любопытствовал я.

- Меня научил мой муршид, наставник.

– А он откуда знает?

Но ответить мальчишка не успел, потому что в окно заглянул Ганцзалин.

– Полиция ищет опасного преступника, – сообщил он. И, увидев моего незваного гостя, добавил, не изменившись в лице. – Кажется, мы его уже нашли.

Мальчишка скорчил отчаянную физиономию, повалился мне в ноги, хотя в тесноте тахтаравана это было крайне неудобно, и, дрожа, уткнулся головой в мой живот.

– Умоляю, не выдавайте!

Я глянул на Ганцзалина, прижал палец к губам и махнул рукой, показывая, чтобы он исчез. Догадливый мой товарищ убрал голову и стал гарцевать на своем муле с моей стороны, создав таким образом почти непроходимый живой редут. Мальчишка по-прежнему лежал, уткнувшись мне в живот, и только мелко дрожал. Это мне показалось странным, но я ведь не знал, что ему тут грозит. Возможно, его и впрямь хотят казнить, эти восточные деспотии гуманизмом не отличаются. Так или иначе, мы не будем тут сидеть целую вечность: я – уподобившись кенгуру, а он – кенгуриному детенышу.

– Будь добр, сядь по-человечески, – строго велел я.

Он немедленно сел, при этом на чумазом лице я не увидел страха, напротив, в глазах мелькали веселые искорки. Снаружи слышались голоса – заносчивые, кричавшие что-то по-персидски, и строгий, Ганцзалина, по-русски пытавшийся унять невидимых супостатов.

– Но-но, куда прешь? Его высокоблагородие отдыхать изволит! Осади назад!

Я не знал, что делать. Недоразумения с властями нужны мне менее всего, но и выдать мальчишку на верную смерть я не мог. Тем более на бандита и убийцу он совсем не походил. И я решил взять паузу и посмотреть, как дело пойдет дальше. Знаками я велел незваному гостю лечь на сиденье и набросил на него овечью шкуру, валявшуюся тут же.

Тем временем спор снаружи разгорался все жарче. Персы вопили что-то по-своему, Ганцзалин отвечал им по-русски. Конечно, начнись драка, слуга мой один отколотил бы обоих. Но такую роскошь мы себе позволить не могли, так что держался он со всем доступным хладнокровием. Вот, к слову сказать, у нас почему-то полагают, что азиаты невозмутимы. Тяжелое заблуждение, друзья мои. Если человек не показывает своих чувств, это не значит, что у него их нет. Внутри он может кипеть, и если вы перейдете границу, вся его ярость выплеснется на вас мгновенно и с самыми печальными последствиями.

Вопрос, однако, был не в Ганцзалине, а в том, насколько хватит хладнокровия у феррашей и не решат ли они пустить в ход оружие. В этом я уверен не был и решил все-таки явить миру свой солнцеликий образ.

Скроив физиономию насколько возможно важную и суровую, я выглянул в окошко.

– В чем дело, господа? – строго спросил я по-русски.

Мой мундир, значительный вид и общий гипноз, который производит на персов любая иностранная физиономия, смутили стражников. Унтер неуверенно залопотал что-то по-своему, но я не собирался входить в его положение.

– Будьте любезны освободить дорогу – сказал я ему – на этот раз по-английски.

Слияние в одном человеке сразу двух великих держав привело стражников в трепет. Унтер молча застыл вместе с лошадью, не зная, что предпринять. Нижний чин еще пытался заглянуть в окошко с другой стороны, но тут на его пути встал верный Ганцзалин. Он так ловко управлял своим мулом, что все время путался под ногами у полицейского. Тот попробовал объясниться с ним на пальцах, тыкал рукой в сторону тахтаравана, но Ганцзалин упорно его не понимал. Знание, разумеется, сила, но от незнания иной раз пользы гораздо больше.

Думаю, ферраши ретировались бы, несолоно хлебавши, но все дело испортил караван-баши. Глупый туземец, видя, что мы не можем объясниться по-персидски, решил нам помочь. Подъехав, он объявил, что господин, то есть я, говорит по-тюркски. Унтер ужасно обрадовался и тут же перешел на тюркский. Метнув на глупого погонщика грозный взгляд, я вынужден был вступить в

беседу.

Унтер заявил, что они гонятся за опасным государственным преступником, дела которого способны затмить собою солнце в ясный день.

– А при чем же тут я? – голос мой звучал весьма высокомерно.

Унтер отвечал, что злонамеренный и подобный гадюке злоумышленник мог незаметно для моего орлиного глаза проникнуть в мои благоуханные покои. Если его не обнаружить вовремя, он вполне способен покуситься на мою благословенную и охраняемую Аллахом жизнь.

– В моих благоуханных покоях нет никого, кроме меня, – отвечал я сурово. – Более того, ни один злоумышленник не мог в них проникнуть, пока я здесь.

Унтер, однако, сказал, что все-таки вынужден будет по долгу службы провести осмотр моего тахтаравана. Выражался он теперь куда менее цветисто, и я понял, что ситуация осложнилась. В глазах у его помощника-тролля зажглись злобные огни. Как уже говорилось, нам ничего не стоило избавиться от обеих феррашей, но сделать это на глазах у целой толпы дервишей и черводаров было совершенно невозможно. Однако и отдавать мальчишку этим дуракам я был не намерен.

– Послушайте – сказал я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно более внушительно, – я – ротмистр русской гвардии. Это звание соответствует вашему генералу (я не слишком-то и приукрасил, как выяснилось позже, от русского ротмистра до персидского генерала часто один шаг). Я здесь для исполнения чрезвычайно важной государственной миссии. Я не имею права показывать вам, что я везу в своем экипаже. Но могу заверить, что ничего запрещенного тут нет.

Мой решительный тон произвел впечатление на стражников. Они отъехали в сторону, посоветались, потом унтер подъехал уже один. Он сказал, что не смеет беспокоить высокого гостя. Однако будет сопровождать меня до следующего города, где решение примет вышестоящее начальство.

– Прекрасно, – сказал я не моргнув глазом и нырнул обратно в свой тахтараван.

Черт бы вас всех побрал! Только вышестоящего начальства нам не доставало...

Глава третья. Неудачливый рыцарь

Положение наше, в самом деле, казалось незавидным. Следующим городом у нас был Казвин, но до него намечалось еще несколько ночевков на станциях. Как прикажете поступить? Не могу же я дневать и ночевать в тахтараване, чтобы туда не сунулись стражники. Нет, это решительно невозможно, надо избавиться либо от полиции, либо от мальчугана. И сделать это как можно скорее.

– Как, по крайней мере, тебя зовут? – я глядел на случайного попутчика весьма хмуро.

Однако суровые мои взгляды волновали его крайне мало. Он вытащил из своего дорожного мешка кусок белой ткани и попытался оттереть чумазую физиономию. Из этого я вывел, что чумазость – не его природный образ. Не исключено даже, что он знаком с мылом и полотенцем.

– Зовите меня Азад-мирза, – наконец отвечал он, не прерывая своего занятия.

– И как это переводится?

– Азад – значит «свободный», мирза – «образованный».

Я хмыкнул. Пятнадцатилетний клоп именуется себя образованным человеком. Впрочем, насколько я знаю, мало кто из местных говорит на иностранных языках. Так что в какой-то степени, может быть, он и прав. Тем не менее называть его мирзой я не намерен, будет просто Азад.

– Ну, а вас как зовут? – полюбопытствовал мальчишка.

– Зови меня Нестор Васильевич Загорский, – отвечал я.

– И как это переводится на английский? – в свою очередь, спросил он.

- Это переводится как Нестор Васильевич Загорский, - отрезал я.

Азад сказал, что это слишком длинное имя, и раз оно никак не переводится, он будет звать меня Нестор-ага, то есть просто господин Нестор. А, может быть, я совершал паломничество в Мекку, и тогда меня следует звать Нестор-хаджи? Или я происхожу из древнего дворянского рода, и тогда он может звать меня Нестор-хан? Или, может быть...

- Уймись, - прервал я его, - мне нужно подумать.

- Подумать? Это ужасно интересно! О чем Нестор-ага собирается думать?

- О том, как поскорее сбыть тебя с рук - сказал я.

- Это будет нелегко.

- Ничего, такой товар долго не залежится. В крайнем случае, сброшу цену.

Услышав это, мальчишка, кажется, испугался. Он насупился, глядел теперь исподлобья, со страхом. На миг мне показалось, что я, сам того не желая, проник в какую-то его тайну.

- Вы правда хотите меня продать? - спросил он с дрожью в голосе.

Я посмотрел на него внимательно. Мальчуган вел себя странно. Вероятно, судьба у него не самая легкая. Но чем я могу ему помочь, кроме как высадить в ближайшем же безлюдном месте - причем высадить так, чтобы этого никто не увидел?

Разглядывая Азада, я заметил, что кожа у него на лице нежная, а там, где ее заслоняла шапка, почти белая. Может быть, он вообще нездешний? Слишком мягкие у него черты лица, слишком тонкие. Или его много месяцев держали взаперти - вон какой худенький.

- Я знаю, что в Персии до сих пор торгуют людьми - сказал я внушительно. - Но у нас рабство отменили. К тому же я русский офицер, и это дело чести...

Тут я немного сбился, не зная, что же именно считать делом чести. Махнул рукой и сказал, что бояться ему нечего, кроме тех двух стражников, которые следуют за нами по пятам и на ближайшей станции наверняка его схватят.

Мальчишка на миг встревожился, но потом вдруг просиял.

– Не беспокойтесь, Нестор-ага – сказал он. – У меня есть план.

Я не верил в подростковые фантазии, но все-таки любопытствовал, что же он такое запланировал?

Азад-мирза сделал важный вид и обещал рассказать о своих планах, только когда мы подъедем к станции. Я не стал настаивать – да и что мог придумать в этом положении подросток? Проще всего было бы Ганцзалину отвлечь стражников, чтобы мальчик в это время сбежал. Однако бегство увидят погонщики и наверняка донесут полиции. Нет, это был не план, а только половина плана.

Я решил пока не ломать голову: пусть мозг сам, без моего участия решает эту проблему. По опыту я знал, что сознание способно на многие чудеса. Иногда ему можно дать задачу, а самому отвлечься – и мозг все сделает за тебя. Так же я поступил и в этот раз. А сам пока попросил Азада рассказать мне про двор шахиншаха. Конечно, я изучил досье, данное мне Гирсом, но, как сказал бы Ганцзалин, лишнее знание никогда не бывает лишним.

Услышав мою просьбу, Азад-мирза воодушевился необыкновенно.

– Шахиншаха я знаю не хуже родного дяди, – заявил он. – Слушайте же и не говорите, что не слышали! У него вот такие усы! На шее он носит огромный бриллиант! А когда выезды, он надевает бриллианты еще на шапку. На плечах погоны, тоже с бриллиантами...

– Если ты будешь говорить только про бриллианты, до шаха так и не дойдем, – перебил его я. – Скажи лучше, что он за человек, что ему нравится, что не нравится, кого он любит, кого боится? Это ты знаешь?

– Конечно, – сказал Азад, – конечно, знаю. Я знаю все, но вы тогда спрашивайте сами.

Я кивнул – хорошо. Первое: что шахиншах любит больше всего?

– Повелитель, – отвечал Азад, – любит своих жен и часто у них бывает. Еще шах любит фотографию и охоту.

– Это интересно, – заметил я. – А сам он только наблюдает или лично участвует в охоте?

Выяснилось, что не только наблюдает. По словам Азада, шах – один из лучших стрелков в Персии. А еще шах – реформатор. Он старается вводить в моду все европейское. Шах бреет бороду и носит короткую одежду, а, кроме того, он велел женщинам ходить с открытыми лицами. Но это не понравилось муллам и потомкам Пророка, и тогда его указ был отменен.

Выяснилось также, что шах говорит на иностранных языках. Точнее, пытается говорить. Иногда он берет уроки у кого-нибудь из русских или англичан.

– И насколько же продвинулся шах в русском языке? – спросил я.

Азад-мирза прыснул. Ни насколько, – отвечал он, ни на пол-уса не продвинулся. Да и как он мог продвинуться, если гаремом он интересуется больше, чем учением? Гарем, кстати, здесь зовется эндерун. На всякий случай, Нестор-ага, вдруг вам понадобится.

И мальчишка посмотрел на меня крайне лукаво. Но я даже бровью не повел, лишь спросил, откуда он столько знает о повелителе.

– Это моя тайна, – отвечал Азад с самым нахальным видом.

Я пожал плечами – пусть так, пусть тайна. И мы продолжили нашу познавательную беседу. – Любит ли шах подарки?

– А кто не любит подарки? – удивился мальчик. – Подарки любят все люди. Шах – самый главный человек в государстве, и подарки он любит больше всех. Но

подарки должны быть дорогие – золото, драгоценные камни и все такое, иначе шах будет недоволен.

Ну что ж, хорошо, если так – у меня для шаха есть по-настоящему редкое подношение. Это, конечно, не золото и не бриллианты, но, надеюсь, он оценит.

Впрочем, рассчитывать только на подарок не стоит. В обороне шаха следует поискать и другие бреши. Собственно, а какие это могут быть бреши? Любовь к охоте, любовь к подаркам, любовь к женщинам. Что еще? Мания величия? Пожалуй. Но у обычных людей это мания, а у властителей – нормальное состояние ума. Ведь если обыватель говорит, что он Наполеон, его сажают в желтый дом, но никто не удивляется, когда Наполеоном зовет себя сам французский император.

Какова же мания Насер ад-Дин шаха? В досье говорилось, что он мнит себя персидским Петром Великим и даже мечтает остаться в памяти потомков новым Александром Македонским. Ну, до древнего полководца ему далеко. Хотя в свое время он изрядно попортил нервы англичанам, завоевав ненадолго афганский Герат. Впрочем, чего только не завоюешь по молодости лет. Для нас важнее, что он, по-видимому, великий честолюбец и по обычаю всех восточных деспотов обожает лесть. Это можно использовать, чтобы войти к нему в доверие и заставить делать то, что мне нужно.

– А какую роль играет гарем в жизни шаха? – полюбопытствовал я. – Кто у него любимая жена, как часто он вообще посещает жен? И, кстати говоря, насколько они склонны к интригам?

Тут мальчишка необыкновенно воодушевился, глаза его засверкали.

– Гарем – это нечто необыкновенное, – заявил он убежденно.

Я с трудом подавил улыбку. Конечно, идея собрать в одном месте множество женщин и передать их в одни руки должна вдохновлять юного мужчину.

К моему удивлению, Азад очень толково, ясно и, я бы сказал, исчерпывающе рассказал о нравах и обычаях шахского гарема.

Узнал я о том, что у шахиншаха – четыре главных жены, из них три – матери его взрослых сыновей, занимающих ключевые должности в государстве: Зили-султана, Мозафареддина и военного министра Наиб-э Султана. Временных же жен или, говоря понятным языком, наложниц что-то около пятидесяти. Их число все время меняется, потому что шах регулярно берет в гарем понравившихся ему новых жен, а некоторых надоевших отдает генералам или своим приближенным.

– Помучился я, теперь помучайтесь и вы, – прокомментировал я этот милый обычай, за что получил гневный взгляд от Азада-мирзы.

Нынче фавориткой шаха считается Анис аль-Дауле. Она высока, красива, стройна – и очень умна, хотя всего-навсего дочь мельника. Шах не только любит ее как женщину, но и прислушивается к ее советам. Другая его жена, Амина Агдас, является старшей женой и тоже очень влиятельна, потому что шах ей доверяет как никому. Именно она хранит наиболее дорогие его сердцу драгоценности, она же подает ему кофе. Европейок среди жен шаха нет. Говорят, была когда-то среди временных жен француженка, но шах отправил ее на родину.

Молодые жены обычно подчиняются старшей, и все без исключения заискивают перед фавориткой. Жены, как и положено женам, очень любят драгоценности. Но – ирония судьбы – как они сами себе не принадлежат, так же часто не принадлежат им и драгоценности, которые они носят. Драгоценности делятся на две категории – казенные, которые после смерти шаха переходят к женам его наследника, и подаренные шахом, которые они могут держать у себя всю жизнь.

Жизнь жен проходит в праздности и интригах. Но главные жены не просто интригуют, они влияют на жизнь в государстве. Когда шах приходит на женскую половину, в эндерун, все бросаются к нему, стараясь заслужить его внимание и расположение. Бывает, шах развлекается с ними, заставляя всех сразу купаться в бассейне, а сам любуется на этот принадлежащий ему цветник.

В свое время на повелителя произвел необыкновенное впечатление европейский балет. Вернувшись домой, он велел, чтобы его жены у себя в эндеруне ходили в коротких юбочках-шалитех, как западные балерины.

– А балетные па он их не заставляет учить? – не выдержал я.

Азад засмеялся лукаво.

– Нет, не заставляет, да это было бы и нелегко. Большая часть жен весьма корпулентны, так что представить их прыгающими можно разве что в страшном сне. Даже и то, что они просто носят своим юбочки, выглядит очень смешно.

– А ты-то откуда знаешь? – спросил я. – Или ты бывал в гареме у шаха?

Азад на миг смутился.

– Я не был, конечно, кто меня пустит. Но мода носить короткие юбочки в эндерунах вышла за пределы шахского дворца. Их стали носить и обычные женщины.

– Так ты, негодник, все-таки был в гаремах, хоть и не в шахских? – прижал я его к стенке.

Однако он ловко вывернулся.

– В Персии все мужчины были в гаремах, – отвечал он с достоинством. – Мальчики у нас до восьми лет живут на женской половине, вместе с женщинами.

В шахском гареме, как и положено, имеется целый штат евнухов – общим счетом более сотни. Все они ходят под началом у старшего евнуха, привезенного из Черной Африки. Вид и манеры у него совершенно зверские, говорят, его побаивается сам шах Насер ад-Дин.

Эндерун правителя занимает целый квартал. Он стоит в окружении высоких стен, а с одной стороны примыкает прямо ко дворцу. Вокруг стен выставлена стража. Если попробовать туда пробраться, вас могут застрелить без суда и следствия. Внутри эндеруна – огромный цветник, в центре которого устроен фонтан. Цветник окружен зданием с множеством комнат – это квартиры жен шаха и их рабынь. Отсюда можно пройти в опочивальню шаха.

Перед опочивальней повелителя всегда дежурит караул из племени каджаров. Когда к шаху идет одна из жен, об этом громко кричит евнух. И тогда караул обязан встать на колени, обернувшись задом к проходу, закрыть глаза и

уткнуться лбом в землю, чтобы не осквернить своим взглядом жены царя царей. То же самое делается, когда жена возвращается обратно.

Тут я подумал, что это достаточно рискованный порядок. Ведь если подкупить евнуха или самому прикинуться евнухом, таким криком можно совершенно обезвредить охрану и убить или похитить шаха.

Однако самое главное, что я узнал – это то, что шахский гарем играет немалую роль в управлении государством. Именно через него подчас назначаются губернаторы и многие высокие чиновники. Кстати сказать, в эндеруне, кроме самих жен, есть еще несколько сотен их рабынь и прислужниц, у каждой из которых есть родственники, которым тоже нужно оказать протекцию. Вообще же на содержание эндеруна уходит куча денег – почти треть всего бюджета Персии...

В самый разгар беседы занавеску у окна откинула рука Ганцзалина, и мой мужественный хранитель засунул физиономию прямо в тахтараван.

– Господин, – сказал он, окидывая недоброжелательным взглядом Азада-мирзу, – с вами хочет говорить караван-баши.

– Что ему надо?

– Не знаю, он кричит, что разговаривать будет только с вами.

Я вздохнул: хорошо, пусть остановят тахтараван, заодно и ноги разомну.

* * *

Выйдя наружу, я сразу увидел полицейских феррашей, они стояли с хмурым видом саженьх в двадцати. Меня они не замечали или делали вид, что не замечают. Караван-баши же стоял совсем рядом, всего футах в десяти от меня. Ганцзалин знаком разрешил ему приблизиться. Тот подошел, поклонился. Я молча кивнул в ответ, его уверенный вид мне совсем не понравился.

– Господин, – турецкий язык караванщика я понимал легко, – да продлятся ваши дни, да украсятся они богатством и благополучием, да встретите вы смерть свою

на мирном одре, окруженный любящими вас детьми и женами...

Последнее пожелание показалось мне двусмысленным, но мне было не до того, чтобы входить в детали.

– Слуга сообщил, что у вас ко мне какое-то дело – сказал я.

– Так и есть, господин, да оберегает вашего слугу Аллах как наилучшего из всех вестников.

Дело оказалось довольно неожиданным, во всяком случае, для меня. Караванбаши сначала долго жаловался на судьбу и денежный ущерб, который он несет исключительно по доброте душевной. Затем собеседник мой дал понять, что стражи закона сильно стесняют всех черводаров, и они очень бы хотели, чтобы полиция оставила их в покое.

– А я-то что могу поделаться? – отвечал я, хотя уже понял, к чему клонит караванбаши.

– Пусть господин выдаст им беглеца, и мы спокойно поедem дальше, да осеняет вас незаходящее солнце во все времена года, – с поклоном отвечал караванщик.

Я сделал удивленный вид и решительно заявил, что ничего не знаю ни о каком беглеце. После долгих экивоков караванщик дал понять, что им тогда придется выдать бандита самим. Господин мог не заметить преступника, но каждая минута, которую тот проводит рядом, может стать гибельной для его превосходительства.

– Высокоблагородия, – поправил я механически, хотя, конечно, откуда ему знать российскую табель о рангах и порядок обращения к военному чину 7 класса.

Я понимал, что караванщик вымогает у меня деньги. При других обстоятельствах я бы знал, что ему ответить. Однако, имея рядом полицейских феррашей, приходилось учитывать, что я нахожусь в слабом положении.

– Хорошо, – сказал я, понизив голос. – Сколько?

- Сто туманов, - с поклоном произнес караван-баши.

Мне нравится наивная откровенность персидских взяточников, но сто туманов?! Это же триста тридцать рублей на русские деньги!

Я молчал, караванщик кланялся. Ганцзалин, который пасся неподалеку, услышав объявленную сумму, немедленно направил к нам своего мула. Судя по его лицу, караванщику оставалось жить не более пяти секунд. Но я успел остановить карающую длань судьбы.

- Что ж - сказал я хладнокровно, - поговорим об этом на станции.

Караванщик, продолжая кланяться, попятился прочь. Полицейские глядели на меня с чрезвычайным подозрением, но я, как пишут в книгах, не дрогнул ни единым мускулом на лице, явив тем самым положенную герою выдержку. Зато подъехавший вплотную Ганцзалин просто кипел от ярости.

- Господин будет платить этой скотине? - только и спросил он.

- Нет, - холодно ответил я. - Но сейчас неподходящий момент для споров. Доедем до станции - видно будет.

- Делу время - потехе час, - загадочно заметил Ганцзалин.

Эта его привычка - сыпать поговорками в самый неподходящий момент - меня изрядно раздражала. Впрочем, привычка была вполне безобидная, другим приходилось терпеть от слуг и не такое.

И мы двинулись дальше. Увы, я не обольщался насчет грядущих перспектив. С приездом на станцию наше положение стало бы только хуже. С другой стороны, если взять в союзники караван-баши, не исключено, что нам удастся отвести глаза полицейским. Но можно ли быть уверенным, что погонщик, забрав деньги, не выдаст нас стражникам? Вопросы сыпались один за другим, а ответов не было.

Азад, почувствовав мое настроение, сидел тихо, только время от времени поглядывая на меня большими круглыми глазами. Я не посвящал его в суть

переговоров с вождем каравана, да и зачем бы ему это? Довольно того, что мы с Ганцзалином сейчас дружно ломали голову, думая, как выйти из создавшегося положения.

* * *

- Мне надо в туалет, - вдруг сказал мальчишка.

Я подозвал Ганцзалина, он сообщил, что до станции еще часа полтора. Я объяснил Азаду, что придется подождать.

- Но я не могу ждать, - с отчаянием в голосе отвечал тот.

Я пожал плечами. Можно попросить у черводаров горшок и справить туда свои надобности. А я пока отвернусь.

- Нет, это невозможно, - настаивал он, почему-то заалев как маков цвет.

В таком случае могу предложить пойти и сдаться полиции, отрезал я. Тогда можно будет ходить в туалет хоть круглосуточно. Азад сжал губы и умолк. Но мне было не до его глупых обид. В конце концов, черт с ним, отдам деньги черводару, а там видно будет. А можно еще проще. Как доберемся до подходящего места, открою дверь тахтаравана, и пусть бежит на все четыре стороны. Между нами, у меня здесь куда более важные дела, чем укрывать сопляков, которые сами не знают, чего хотят.

Примерно час еще мы ехали в полном молчании. Потом Азад вдруг встрепенулся и сказал:

- Кого ищут стражники?

- Кого же, как не тебя, - отвечал я рассеянно.

- А кто я?

Услышав такой странный вопрос, я посмотрел на него внимательно.

– Они ищут молодого человека, – продолжал Азад с торжеством в голосе. – А если я стану девушкой, им нечего будет мне предъявить.

Я только усмехнулся в ответ: как же ты станешь девушкой?

– Отвернитесь, – потребовал мальчишка.

Я отвернулся, движимый самыми неприятными предчувствиями. Где-то я уже слышал подобную команду, произносимую столь же решительным голосом. Да что там я – ее слышал каждый взрослый мужчина. И, как правило, не один раз. Подобные команды даются обычно... Проклятие!

Я резко повернулся к Азаду, но опоздал. Передо мной сидела очаровательная барышня лет семнадцати в длинном черном платье и платке. Вот только чадру она не успела надеть.

Но как, как я мог так ошибиться?! Виной всему, разумеется, вечный мой бич – невнимательность. Когда я расследую дело, от меня не ускользнет и пуговица на сюртуке собеседника. Но в обычной жизни я, как правило, рассеян. И вот тут-то и происходит самое неприятное.

– Так-так, – сказал я, – и кто же вы на самом деле?

– Не смущайте меня, – отвечала девушка смеющимся голосом, – не смотрите мне в лицо, а то я опять упаду вам в ноги, как давеча.

Я вспомнил, как она уткнулась лицом мне в живот, и покраснел.

– Прекрасно, – сказал я сердито. – Это очень смешно. Пять минут назад вы как будто не стеснялись сидеть передо мной с открытым лицом, не говоря уже про все остальное.

На это собеседница мне отвечала, что пять минут назад была мальчиком, а теперь на ней платье. Впрочем, это я и без нее заметил.

– Как велите к вам теперь обращаться, сударыня?

Она попросила звать ее Ясмин.

– Знаю, что имя заурядное, но ведь это выбор родителей.

Я пожал плечами: имя не хуже любого другого. Однако в чем же состоит ее спасительный план?

План Ясмин был прост. Ганцзалин отвлекает стражников, а она в этот миг выскакивает из тахтаравана. Даже если Ясмин не успеет убежать достаточно далеко, увидят все равно девушку, а не мальчишку. Только сделать это надо в людном месте, там, где кроме нее будут еще женщины. Одинокая девица, невесть откуда взявшаяся, привлечет к себе внимание, и ферраши могут догадаться, что тут какой-то подвох.

План Ясмин выглядел несколько рискованным, но своего я так и не выдумал. Чем, в конце концов, я рискую? Тем, что девчонку схватят как беглянку, а меня – как ее пособника, после чего, очевидно, миссия моя будет провалена? М-да...

– Не волнуйтесь, все будет хорошо – сказала Ясмин утешительно.

Как раз в этом я имел основания сомневаться. Но начинать спор сейчас было бессмысленно.

– Позвольте узнать, что вы такого сделали, что за вами гоняется полиция? – меня в самом деле разбирало любопытство.

– Я удрала из дома, – отвечала Ясмин. – А поскольку я – знатного рода, родители решили найти меня во что бы то ни стало, чтобы избежать позора. Я улизнула, переодевшись мальчишкой. Они догадались, что по стране я и буду перемещаться в таком виде, и науськали на меня полицию.

– Почему же вы сбежали? – осведомился я. – Вас, вероятно, хотели выдать замуж?

Ясмин засмеялась: разумеется, ее хотели выдать замуж, вообще это нормально, что девушек выдают замуж, или в России дела обстоят как-то иначе? Но дело не в замужестве.

– А в чем же?

Ясмин отвечала, что она хотела свободы и истины.

– А именно?

– Я хотела быть, как Рабия.

О том, кто такая Рабия аль-Адавия, я слышал еще в Туркестане. Это была великая мусульманская святая, ставшая притчей во языцех – в особенности среди суфиев. Именно поэтому Ясмин и переделалась мальчиком и отправилась к суфиям.

– И вас не разоблачили?

Она посмотрела на меня, как на идиота. Что за глупые вопросы – суфии не дураки. Конечно, ее разоблачили в первые же минуты, но ее муршид, наставник, оказался очень добрым и мудрым человеком, и к тому же без предрассудков. По его мнению, женщина могла так же поминать Аллаха, как и мужчина, и так же посвятить ему всю жизнь.

– Это прекрасно, но все-таки – зачем вы пошли к суфиям? – не отставал я.

– Аллах – сокровище, которое хочет, чтобы его обнаружили. А я мечтала обнаружить это сокровище, – отвечала она.

– И вы его обнаружили?

Она засмеялась.

– Пока нет. Но я увидела свет, который исходит от него.

В этот миг в окне показался Ганцзалин: минут через десять мы должны были прибыть на станцию. Ясмин украдкой выглянула в окно и сказала, что место как раз подходящее для побега. Слуга мой даже глазом не моргнул, обнаружив, что вместо мальчишки в экипаже сидит женщина. Впрочем, оно и к лучшему: тратить время на расспросы и объяснения было некогда. В двух словах я

изложил Ганцзалину наш план. Он кивнул и только спросил, когда начинать.

- Начинай прямо сейчас - сказал я, - а кого нам ждать?

Ганцзалин исчез. Я поглядел на Ясмин, но она уже спряталась под чадрой. Только глаза ее, темные и живые, смотрели неожиданно серьезно. Я хотел сказать на прощание какие-то подходящие к случаю слова, но какие слова тут подходили? Она по-прежнему молчала, в воздухе повисло какое-то томление. Я откашлялся.

- Что ж, рад был познакомиться с такой милой барышней... - начал было я, но меня перебил рев мула и истошные вопли. Я высунул голову в окно, и глазам моим предстало чудовищное зрелище. Ганцзалин не сумел справиться с мулом, и тот упал, придавив его к земле. Теперь двадцатипудовая туша билась на земле, и, лежа под ней, ужасным голосом вопил мой добрый слуга. Черводары, стражники и вся улица, остолбенев, смотрели на происходящее. Ганцзалин погибал прямо у меня на глазах! Не тратя больше ни секунды, я рванул к нему на помощь, но зацепился за какой-то крюк в тахтараване. Мой помощник заразил меня своим невезением, не иначе!

- Пора бежать? - спросила Ясмин, глядя на меня черными, как спелая слива, глазами.

Эти слова подействовали на меня, как ковш холодной воды. Ну, конечно, как я мог забыть! Ведь все это - только представление. И, кажется, спектакль удался - несколько черводаров, преодолев оцепенение, кинулись помогать Ганцзалину.

- Бегите! - коротко сказал я Ясмин.

Прощания у нас не вышло. Да и какое могло быть прощание, ведь мы знакомы один день, а то, что она девушка, узнал я лишь в последний час. Но сейчас, глядя на нее, почему-то чувствовал я горечь утраты и сожаление.

Ясмин приоткрыла дверцу тахтаравана. Но прежде, чем выскочить наружу, вдруг обернулась и обожгла меня взглядом черных глаз. Не знаю, как я пропустил миг, когда она оказалась совсем близко. И прозевал мгновение, когда она коснулась рукой моей щеки. Или, может быть, не коснулась, а просто поднесла ладонь к лицу и подержала рядом одну только секунду. Это было как

дуновение ветра, взмах бабочкиных крыльев... Спустя мгновение она выпорхнула из тахтаравана.

Еще несколько секунд – и Ясмин растворилась бы в толпе. Но в этот день счастливый случай был явно не на нашей стороне. Выпрыгивая из экипажа, Ясмин крайне неудачно наступила на камень. Ножка ее подвернулась, и она с легким стоном упала на землю. Я бросился на помощь, надеясь, что за неразберихой, поднятой Ганцзалином, у нее будет время прийти в себя и исчезнуть. Но, помогая ей подняться, я почувствовал за спиной жаркое дыхание лошади.

Я обернулся. На меня злобно тарашился унтер. Он что-то прошипел, потом ткнул пальцем в Ясмин. Второй, огромный ферраш подъехал к нам вплотную, теснил своей лошадью нас с барышней. За его спиной маячило сосредоточенное лицо Ганцзалина, который прервал свою комедию, увидев, как оборачивается дело.

Шаг за шагом мы с Ясмин пятились назад. Выбивание всадника из седла – дело не самое сложное. Захоти я – и через пару секунд ферраш лежал бы на земле. Унтер что-то гневно прокричал по-персидски, огромный стражник замахнулся саблей над моей головой, Ганцзалин за его спиной сжался, как пружина, готовясь взвиться в воздух.

Стражник все еще держал саблю над моей головой, не решаясь ни ударить, ни опустить. Но тут на помощь пришла сама Ясмин. Она выбежала вперед и пронзительно закричала что-то по-персидски. Я не понял слов, но уловил общий смысл: она кричала, что сдается. Ферраш прорычал что-то чудовищным голосом и опустил саблю.

– Сударыня, – я незаметно коснулся Ясмин рукой, – я могу вас защитить.

Это была хорошая мина при плохой игре. Не мог я защитить ее посреди Персии, мог лишь несколько отсрочить арест.

– Не нужно, – так же тихо отвечала она. – Я не преступница, я просто сбежала из дома. Меня вернут к родителям – только и всего. Но я счастлива, что познакомилась с вами. Я увидела, что такое настоящий рыцарь.

Она проскользнула мимо стражника и подошла к унтеру. Они перекинулись несколькими фразами, ферраш подал ей руку и помог влезть на коня позади себя. Оба полицейских вместе с Ясмин рысью поскакали назад, к Решту. На скаку она повернулась и напоследок махнула мне рукой.

Рыцарь... Мне стало горько. Какой я рыцарь, если не сумел уберечь доверившуюся мне девушку?

- Господин, - услышал я словно сквозь сон, - господин, нам пора...

Это подошел ко мне караван-баши. Драмы драмами, а дело прежде всего. Если будем останавливаться из-за каждой девчонки, до Тегерана так и не доберемся, говорил его красноречивый взгляд.

Я молча полез обратно в тахтараван и неожиданно увидел сидящего там Ганцзалина.

- Это мое место, - хмуро заметил я. - Будь любезен, подвинься...

- Почему подвинься, - оскорбился тот, - я жизнью рисковал. Я руку вывихнул из-за этого мула, и мне нельзя проехаться немного в уюте и покое?

Я махнул рукой: черт с тобой, езжай где хочешь. Но тут же вспомнил кое-что.

- Скажи, а ты не удивился, когда увидел вместо мальчишки девушку?

- Чего удивляться, она с самого начала там сидела, - отвечал Ганцзалин.

Тут уже удивился я. Он что - сразу распознал в Ясмин девушку? Ганцзалин только плечами пожал. - А как можно не распознать - она ведь ведет себя, как девушка, говорит, как девушка, а, главное, пахнет, как девушка. Неужели господин этого сразу не заметил?

- Заметил, - отвечал я, - конечно, заметил. И именно поэтому решил ей помочь. Ты ведь знаешь, что такое кодекс рыцаря, обязанного опекать прекрасных дам?

Ганцзалин в ответ лишь хмуро пробурчал, что этим дамам только дай волю – тут же сядут на шею – не сгонишь потом.

Глава четвертая. Цианистый калий

Переночевав на постоялом дворе, мы продолжили путь. С утра к нашему каравану присоединилось семейство персидского полковника-сергенка в составе самого полковника, его жены и его малолетней дочери. Я с большим удовольствием уступил им свой тахтараван, чем, кажется, вызвал недовольство караван-баши. Тот очень хотел усадить меня обратно, но я устал и не желал больше быть узником гигантского сундука с прорезями для воздуха. Правда, в тахтараване моем ехали только жена и дочь полковника, сам полковник предпочел гарцевать на муле.

Теперь мы двигались по горам. Дорога была живописной, но опасной. Дело усугублялось тем, что местные мулы почему-то упорно ходят по самому краю тропы. Время от времени они срываются вниз и находят себе тут упокоение. Это можно было понять по белым костям, которые щедро усеивали склоны.

Во второй половине дня прямо перед нами разверзлась пропасть. Впрочем, пропасть оказалась небольшой, шириной футов в тридцать, так что слово «разверзлась» тут не совсем подходит. Тем не менее пропасть была достаточно глубокая, чтобы отпало всякое желание в нее падать. Прямо над ней повис хлипкий мостик без перил. Внизу шумела ледяная горная речка, из которой торчали острые камни. Было ясно, что падение вниз означает верную смерть.

Правда, бревна на мосту были достаточно широкие, так что пройти мы должны были без всяких сложностей. Так, во всяком случае, казалось мне. Но если мой оптимизм объяснялся неопытностью, чем объяснялся оптимизм погонщиков, понять совершенно невозможно.

Первым через мост двинулся наш семейный экипаж, который вел один из черводаров. Когда мулы ступили на мост, у меня вдруг возникло дурное предчувствие. Внимательный читатель, уже, наверное, заметил, что дурные предчувствия возникают у меня с завидной регулярностью. Впрочем, тут я не вижу ничего страшного – гораздо хуже, что предчувствия эти почти никогда

меня не обманывают. Так случилось и в этот раз.

Один из двух мулов, тащивших тахтараван, вдруг поскользнулся и повалился грудью прямо на мост. Второй, не желая упасть в реку, уперся в мост всеми четырьмя ногами. Но на него теперь легла большая часть экипажа, а сам тахтараван ужасающим образом накренился и опасно завис над бездной. Женщина и ребенок в экипаже ужасно закричали. Услышав вопли, первый мул в панике забился, пытаясь встать на ноги, но от этого тахтараван покосился еще больше. Еще пара толчков – и весь экипаж вместе с мулами повалился бы прямо на камни. К счастью, черводар, сопровождавший экипаж, наконец опомнился и бросился на первого мула, прижимая его к бревнам и не давая раскачивать тахтараван.

Было, однако, ясно, что силы неравны и долго он так не протянет. Ясно было и другое – второй мул в одиночестве не удержит падающий тахтараван. Пробраться к женщине и ребенку тоже было нельзя: дорогу перегораживал покосившийся экипаж и стоящий мул, изо всех сил пытавшийся этот экипаж на мосту удержать. Пока я думал, Ганцзалин с ловкостью циркового артиста пробежал по крайнему справа бревну и оказался возле дверки тахтаравана. Я последовал за ним, думая только о том, чтобы не поскользнуться на мокрых бревнах. Лежащий мул снова начал биться, но мы с Ганцзалином уже вытащили жену полковника и его малолетнюю дочь и быстро вели их на другую сторону моста. Едва мы успели ступить на твердую землю, как упавший мул вырвался из рук черводара и, дергаясь, начал подниматься на ноги. К счастью, пока он лежал, черводар успел выпрячь его из тахтаравана. Но экипаж, оставшись без поддержки, покосился еще больше, и медленно, как в страшном сне, стал обрушиваться в бездну, увлекая за собой оставшегося мула...

Нужно ли говорить, что тахтараван разбился при падении вдребезги, а несчастный мул погиб? Караван-баши долго причитал над убытками и даже предъявил претензии полковнику: дескать, мул поскользнулся из-за того, что жена его слишком дородная и перегрузила экипаж. Полковник, однако, отмахнулся от караванщика, как от мухи, и кинулся к Ганцзалину, который спас его семейство. Тот вместе с черводарами осматривал оставшегося мула, пытаясь понять, насколько тот пострадал. Полковник отвлек моего слугу от этого почтенного занятия и стал обнимать и прижимать к сердцу.

– К чему мне его объятия, я не девушка, – сердился потом Ганцзалин, – лучше бы денег дал.

Но с деньгами полковник расставаться не спешил: видимо, семейство не настолько было ему дорого, чтобы платить за его спасение. Видя это, Ганцзалин только тихо негодовал на скупость местных жителей, бормоча что-то вроде «жадные собаки хуже макаки».

Я утешал его, говоря, что эта пропасть наверняка не последняя и он еще сможет спихнуть скупого полковника в реку где-нибудь подальше.

– Смейтесь, смейтесь, только вот что я вам скажу, господин, – у мула была подпилена подкова, – обиженно заявил мой помощник. – Кто-то хотел, чтоб тахтараван упал в пропасть.

– Думаешь, кто-то покушался на жизнь полковничьей жены? – удивился я.

– При чем тут жена, жена села туда в последний момент. В тахтараване должны были ехать вы. Это вас собирались убить.

Шутить мне сразу расхотелось. Обсудив ситуацию с Ганцзалином, мы решили, что впредь следует удвоить бдительность. Очень может быть, что невидимый враг предпримет новую попытку. Если, конечно, мы правы и охотятся действительно за мной.

* * *

В следующие дни ничего интересного в дороге не происходило, если не считать совершенно свинских условий на местных постоянных дворах. Впрочем, на мой взгляд, и в этом тоже не было ничего интересного.

По-персидски название станций, где путники меняют лошадей, похоже на «мамзель». На одной из таких мамзелей с нами вышел неприятный случай. Заселившись, мы оставили вещи в номере и пошли немного размять ноги. Гуляли мы недолго, но, возвратившись назад, обнаружили, что вещи наши почему-то выставлены во двор.

Найдя смотрителя станции, оборванного нищего перса, мы спросили его, что все это значит. Он отвечал, что, когда мы ушли, явился слуга местного губернатора

и сказал, что скоро приедет его господин, которому нужна самая лучшая и большая комната. Подумав немного, зритель решил, что лучше нашего номера ему не найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Machine gun – пулемет.

2

Драгоманы – переводчики с восточных языков.

Купить: https://tellnovel.com/anonimus_/delo-zili-sultana

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)